

Убить Кукловода

Автор:

[Александр Домовец](#)

Убить Кукловода

Александр Домовец

Порождение божье #2

Журналисту Авилову и его товарищам удастся установить место обитания Кукловода. Гнездо загадочного существа находится в одном из горных подземелий Гималаев. Туда и направляется боевая экспедиция под руководством Авилова. На пути герои преодолевают все новые и новые опасности, ведь враг обрушился на них всей мощью.

В лабиринтах горного подземелья экспедиция гибнет. До цели добирается лишь Авилов. Наконец он стоит лицом к лицу с Кукловодом. Если это можно назвать лицом... Наступает момент истины. Становится понятно, кто этот Кукловод, откуда его невероятная мощь и – главное! – почему он век за веком терзает Россию.

Как и в предыдущем романе дилогии, в ткань современных событий вплетаются главы из рукописи погибшего историка Захарова. Они шаг за шагом готовят читателя к открытию сущности Кукловода. Это – неожиданный взгляд на российскую историю, который открывает истоки наших бед, проблем, несчастий.

Александр Домовец

Убить кукловода

Современное политическое фэнтези (Книга 2)

Часть первая

Подземная экспедиция

Пролог

Саша Аликов полной грудью вдохнул чистейший горный воздух, окинул взглядом панораму седых Гималаев и задумчиво произнёс:

– Красотень-то какая...

– Неописучая! – хмыкнул Сеньшин, складывая замысловатый прибор, с помощью которого сверял координаты места.

Если техника не обманывала, экспедиция находилась именно там, откуда две недели назад шёл поток ментальных импульсов. Где-то здесь, в крутом заснеженном склоне, должен быть вход в подземное логово Кукловода.

Но входа не было.

Собственно, такой вариант предусматривался. Никто и не ждал, что Кукловод гостеприимно распахнёт дверь перед непрошенными гостями. Вход в пещеру, конечно, заделан, скорее всего, давным-давно. С портативным ультразвуковым щупом в руках Аликов двинулся вдоль каменной стены, устремлённой почти вертикально вверх.

Минут через двадцать щуп зафиксировал наличие обширной, полого уходящей вниз полости, скрытой за горной поверхностью. Причём стена в этом месте была намного тоньше, чем двумя метрами левее или правее. А дальше по обеим сторонам шёл вообще практически монолит.

– Ясно. Проход был здесь, – констатировал довольный Сеньшин. – Просто он его каким-то образом замуровал, и не до полной толщины – то ли поленился, то ли не предал значения.

– Ну, с этим, вроде, разобрались, – буднично откликнулся Авилов. – Едем дальше. Твоё слово, Олег.

– Ты давай поаккуратней, нам только лавины здесь не хватало, – озабоченно сказал Колесников.

Макеев, выполнявший в экспедиции роль взрывника, пожал плечами:

– Взрыв будет направленный. И не настолько сильный.

Аккуратными скупыми движениями он прикрепил к склону горы несколько пластин взрывчатки, расположив их по определённой схеме, и вставил детонаторы. По знаку Олега вся экспедиция отбежала метров на пятьдесят и залегла в снег неподалёку от джипа, на котором добирались в ущелье.

Насчёт силы взрыва Макеев, похоже, заблуждался. Грохнуло будь здоров, да и землю потрянуло неслабо – Сергею даже показалось, что машина слегка подпрыгнула. А может, он просто отвык от взрывов, которые там, в Чечне, были вполне рядовым явлением... Так или иначе, поднявшись и отряхивая снег, Сергей увидел, что дело сделано: в каменной стене чернел дымящийся пролом, напоминающий формой неправильный четырёхугольник.

– Готово, – спокойно сказал Макеев.

Аликов, присмотревшись, довольно ухмыльнулся.

– Чистая работа, – сообщил он. – Даже я пролезу...

– Все сюда, – негромко произнёс Сергей.

Как только члены экспедиции собрались вокруг, он скомандовал:

– Объявляю пятнадцатиминутную готовность. Всем подогнать амуницию, проверить оружие, принять медикаменты... Хватит четверть часа для усвоения? – спросил он Сеньшина. Тот кивнул. – Курящие курят, некурящие дышат воздухом. Рекомендую оправиться. Выполняйте.

В последние годы, после увольнения из армии, Сергей командовал только собой и Алёной. Если, конечно, та была в хорошем настроении. Но в Непале офицерский голос естественным образом вернулся сразу, точно Авилов с ним и не расставался. Придирчиво оглядывая войско, он мысленно стучал по дереву: бойцы, как на подбор. Верзила Аликов – этакий российский Рембо в снегах Гималаев; энергичный, подтянутый Сеньшин, сохраняющий элегантность и в камуфляже; коренастый Макеев, на голову ниже Аликова, но конкурирующий с ним шириной плеч; ловкий, быстрый в движениях Колесников... Чуть поодаль держался советник посольства Лаврентьев. Непосредственно в спуске он участия не принимал – вместе с Сеньшиным был на подстраховке.

В общем-то, пора начинать спуск, но Сергей почему-то медлил. Нет, он вовсе не думал о значении подземной экспедиции. Можно, конечно, пафосно сказать себе, дорогому, что, мол, давай, брат, на тебя вся Россия смотрит... И тем самым соврать. Смотрят на тебя от силы три человека: Бунеев, Брагин и Алёна. Да ещё Иван Ильич Захаров – с небес обетованных, которые он заслужил всей своей праведной жизнью... А больше смотреть некому и незачем – государственная тайна, однако... Не хотелось думать и о том, какие последствия грянут, если экспедиция провалится...

1

Рукопись

Путь за город, на Лысую гору, из дворца Ирода Великого вёл через кривые узкие улочки Иерусалима. На одной из них, в Нижнем Городе, жил сапожник по имени Агасфер. Это был человек лет сорока, почти старик уже, тощий, с неприятным, морщинистым лицом, с неопрятной поседевшей бородой и густой шапкой волос, вплотную приступившей к бровям.

Соседи считали его мерзким скрягой и не хотели с ним знаться. Скрягой он действительно был, но не от хорошей жизни – вечно болевшая жена и трое поздно появившихся на свет прожорливых ребятишек-птенцов мгновенно проедали крохи, которые он зарабатывал в убогой своей мастерской. Что ему оставалось, кроме как беречь каждый грош, ворчать на судьбу и про себя жалеть, что слабая душа и хилое тело не позволяют заняться делом более прибыльным – вроде воровства, разбоя или убийства.

Скучно жилось Агасферу. Поэтому в тот весенний день вместе с другим иерусалимским людом он охотно бросил работу и вышел на улицу, чтобы посмотреть, как ведут на казнь трёх разбойников, приговорённых к распятию. Позорная казнь, а уж мучительная... Вообще-то приговорённых изначально было четверо, но одного из них, Варавву, помиловали в честь великого праздника Пасхи. Была такая традиция в славном городе Иерусалиме. И теперь кресты, на которых через короткое время им предстояло повиснуть, несли на себе трое, один из которых был Иисус Христос, прозванный Назаретянином.

Слух об этом человеке уже давно прошёл по земле Израильской. Приписывали ему божественное происхождение, славу проповедника, способность совершать чудеса, вплоть до воскрешения мёртвых. Говорили даже, что он и есть тот самый долгожданный Мессия. Агасфер уже мельком видел его на улицах Иерусалима в окружении учеников и ликующего народа, который провозглашал Осанну и называл царём иудейским. Было это всего несколько дней назад; природная гнусность характера Агасфера, всегда воспринимавшего чужой успех как свою обиду, помешала присоединиться к восторженным воплям толпы; скорее кинул бы в проповедника увесистый булыжник, но тогда не осмелился. А теперь вот с наслаждением смотрел, как, истекая потом и спотыкаясь, Иисус надрывается под тяжестью креста. Будь Агасфер поумнее, он, быть может, задумался о том, как быстротечна земная слава: вслед Иисусу улюлюкали и плевали те же самые люди, которые буквально вчера с плачем припадали к его ногам...

Но такие мысли умишку сапожника были чужды. И когда Иисус в окружении конвоя легионеров поравнялся с ним, в голове Агасфера не возникло ничего, кроме отражения приятной картины: вот он, вчерашний любимец, согбенный, со слипшимися от пота длинными волосами, с избитым лицом (кто ж его так – люди Киафы-первосвященника или же воины римского наместника Пилата?), одетый в старый разорванный хитон и стоптанные сандалии...

Иисус вдруг остановился. Придерживая тяжёлый крест, он с трудом выпрямился и что-то сказал начальнику конвоя. Тот, пожевав губами, кивнул. Тогда Иисус повернулся к Агасферу и негромко произнёс пересохшим ртом:

– Добрый человек, нам разрешили немного отдохнуть. Если это твой дом, не мог бы ты вынести воды?

Ни секунды не задумавшись, Агасфер фыркнул:

– Воды? А чего ты ещё хочешь? Может, тебя заодно и накормить? – Он засмеялся, и, оглянувшись на ухмыляющихся легионеров, добавил: – Иди своей дорогой, мошенник. В моём доме ты ничего не получишь. Тоже мне, царь иудейский!

Глаза Иисуса вспыхнули изумлением. Он, словно не веря ушам, переспросил:

– Как, ты отказываешь мне в такой малости?

– Отказываю, отказываю! – закричал Агасфер. – Сказано тебе, иди отсюда. Прямо на Лысую Гору иди. Она тебя заждалась!

Он ликовал. Когда ещё можно так развлечься, и к тому же попасть в центр внимания соседей!

Начальник конвоя покачал головой и выругался сквозь зубы. Тронув Иисуса за плечо, он сделал рукой командный жест: вперёд! Не отводя глаз от Агасфера, Иисус вдруг сбивчиво заговорил, с нотками гнева в голосе:

– Да будет стыдно тебе, человек! Да будет памятна тебе наша встреча и этот день! Ты отказал мне в чашке воды? Пусть. Но за это я отказываю тебе в покое могилы. Обрекаю тебя на вечную жизнь и вечные скитания. Да переживёшь ты своих детей и внуков, и правнуков их! Да будешь ты ждать моего нового пришествия, и тогда, быть может, я дам тебе покой, если ты расскаешься. Но не раньше!

Из этих слов Агасфер ничего не понял, однако на всякий случай плюнул ему в лицо. Не отирая слюны, Иисус взгромоздил на себя крест и продолжил скорбный путь, понукаемый легионерами. Пройдя несколько шагов, он оглянулся, и

Агасфера пронзил взгляд, в котором смешались усталость, боль и негодование.

На этом, собственно, всё и кончилось. На Лысую гору смотреть казнь Агасфер не пошёл: слишком жарко, да и дел в мастерской скопилось немало. На следующий день по Иерусалиму разнёсся слух, будто тело Иисуса, снятое с креста, исчезло. Заговорили о его вознесении на небо... Агасфер ощутил смутное беспокойство, которое, впрочем, быстро прошло. Жизнь продолжалась, и это была привычная жизнь с маленькими доходами, большой семьёй и многочисленными проблемами.

Спустя несколько лет умерла жена. К тому времени Агасфер кое-как пристроил подросших детей и даже успел обзавестись внуками. Оставшись один, женился на немолодой вдове, жившей по соседству, но и та через пять лет умерла. На шестом десятке Агасфер сговорился с другим сапожником, жившим ещё более бедно, и тот выдал за него свою семнадцатилетнюю дочь-бесприданницу.

К великому удивлению соседей, та исправно рожала старому Агасферу ребёнка за ребёнком. Агасфер пыжился, но не знал, чем кормить детей. Семья разрасталась, сыновья от первого брака тоже не преуспевали. Внуки сапожника просили милостыню на улочках Иерусалима, и часто ужин семьи зависел от того, что насобирают дети.

Однажды на рассвете Агасфер проснулся с непонятным ощущением. Он встал и присмотрелся к спящей жене. Та похрапывала, припав седеющей головой к подушке. Агасфер прошёл по дому, полному детей и внуков. Он отчего-то попытался вспомнить, много ли осталось в живых людей, с которыми он когда-то в одно время вступал в жизнь. Получилось, что немного. Вином и хлебом за прилавками торговали уже не сверстники Агасфера, а их отпрыски.

Через десять лет умерла и эта, третья по счёту, жена. Что страшнее всего, стали умирать и дети. От старости! Агасфер растерялся. Он всё так же сидел в своей лавке, всё так же мастерил новые или чинил изношенные сандалии, и чувствовал себя, как обычно. Тело его оставалось таким же хилым и тощим, лицо морщинистым, борода седой. Ничего не менялось, хотя шли годы, и на свет стали появляться правнуки.

Ещё через двадцать лет жители Иерусалима начали показывать на Агасфера пальцем. Он и сам понимал, что зажился. Ну не было ещё в славном еврейском

городе людей, которым перевалило за восемьдесят! Однако Агасфер по-прежнему работал, с удовольствием ел и пил, а вид молодых женщин всё так же возбуждал его. Только молодые женщины больше не подпускали его к себе – отпугивали годы и бедность. Свою похоть Агасфер удовлетворял с блудницами и каждый раз, доставая сребреники, злился.

Он постоянно думал, почему все те, кто в одно время с ним появился на свет, уже упокоились, а он, Агасфер, всё ещё жив и даже бодр. Он понимал, что река времени по непонятной причине огибает его, даже не забрызгав. И всё чаще вспоминал тот уже очень далёкий день – день казни трёх разбойников, избитого, изнемогающего под бременем креста Иисуса, которому он отказал в глотке воды, а самое главное – слова. Его слова! Что он тогда бормотал, негодуя глядя на Агасфера? Что отказывает ему в покое могилы? Что обрекает на вечную жизнь и вечные скитания? Агасфер до боли сжимал виски, дёргал себя за бороду и часами тупо смотрел в окно, ничего при этом не видя. «Да переживёшь ты детей и внуков, и правнуков их!..» Разве такое мыслимо? Но всё получилось точно по словам Иисуса – дети и внуки постепенно уходили друг за другом, а он, отец и дед, читал молитву над их могилами.

Чем так жить, лучше было умереть. Или, по крайней мере, сойти с ума, лишь бы не думать обо всём этом. Но голова у Агасфера, несмотря на возраст, оставалась ясной. Настолько ясной, что в день своего столетия, выпив чашу вина и закусив куском рыбы, он окончательно понял, что проклятый Назаретянин вовсе не бросал слов на ветер. Он действительно приговорил обидчика к вечной жизни. Вечной!.. Стало быть, сплетни о его божественном происхождении, могуществе, и посмертном вознесении на небо, не сплетни были, а чистая правда.

– Ну-ну, – сказал Агасфер, тихо засмеявшись.

Он с утра приготовил себе подарок – взял хорошую, крепкую верёвку, забросил её на одну из балок, на которых держалась крыша, и сделал скользящую петлю. Теперь он легко взгромоздился на стол. Оглядев напоследок своё неказистое одинокое жилище (никто не пришёл поздравлять с днём рождения, – он всем надоел: и правнукам и соседям, а друзей отродясь не было), Агасфер, не раздумывая, сунул голову в петлю и спрыгнул со стола.

Что было дальше, он помнил смутно. Запомнился собственный вопль – инстинктивный вопль животного ужаса, неизбежного в смертный миг. Запомнилась резкая боль в шее. И... всё. Придя в себя, Агасфер обнаружил, что

висит в петле, что дышать не может, но всё-таки жив, хотя непонятно, почему. Провисев добрых полчаса, он дотянулся ногой до стола, подтащил его к себе и кое-как взгромоздился, после чего, сняв с шеи петлю, обнаружил, что снова может дышать. Только дышать не хотелось. Хотелось плакать. И умереть.

Сцепив зубы, Агасфер взял со стола нож и одним движением разрезал вены на левой руке. Короткая боль, брызги крови, мгновенно затянувшаяся рана. Даже шрама не осталось...

Агасфер закричал. Его ум, его душа, его тело умоляли о смерти. Повинуясь этой мольбе, Агасфер с разбега впечатал голову в стену и потерял сознание. Этим, собственно, всё и ограничилось, если не считать шишки на темени, которая, впрочем, исчезла с той же быстротой, с которой затянулись разрезанные вены.

После этого в течение ближайших дней Агасфер тупо старался расстаться с жизнью. Он раздобыл яду. Он подрался с пьяными торговцами пряностями. Он бросился вниз головой со скалы в окрестностях Иерусалима. И ничего – ничего! – не помогло ему. Яд вызвал недолгую резь в желудке, вот и всё. Торговцы, допившиеся до потери памяти, потыкали его ножами и в страхе разбежались, увидев, что изрезанный старик встал, как ни в чём не бывало, да ещё покрыл их отборной руганью. Прыжок со скалы показал, что сломанные рёбра и кости сростаются так же быстро, как затягиваются раны.

Сомнений не оставалось: приговор был окончательный и обжалованию не подлежал. Можно было бы, конечно, заплатить городскому палачу, чтобы тот, к примеру, отрубил ему голову, но Агасфер не стал этого делать. Он просто был уверен, что новая голова отрастёт, на глазах у палача, и тогда не оберёшься разговоров...

Уже не надеясь на удачу, Агасфер попытался просто уморить себя. Несколько дней он ничего не ел и не пил. Единственным результатом было слабое чувство голода и жажды, которое преследовало Агасфера всё время добровольного поста. В остальном он чувствовал себя, как обычно, и даже невольно стал подсчитывать, сколько сэкономил, отказавшись от еды на неделю. Но никак не мог сосчитать...

В те дни, скуля от страха и неизвестности, он старался понять, что его ждёт, и кто он теперь. Человек? Непохоже. Человек не может обходиться без хлеба,

воды и воздуха, а он, Агасфер, мог. От яда, ножа или петли человек погибает, а он выжил. Стало быть, уже не человек. Тогда кто? Не находя ответа, Агасфер метался по комнате. Он то падал на колени, простирал руки вверх и бессвязно молился, то принимался богохульствовать, яростно проклиная Иисуса, и ещё яростнее себя за то, что не зарезал проповедника возле своего дома, прежде чем пересохший рот Назаретянина изрёк приговор. А теперь что делать? Делать-то что теперь? Неужто в самом деле ждать нового пришествия ненавистного Мессии? Но когда оно будет, и будет ли вообще...

Неделю, а может быть, и две, сапожник никуда не выходил. Потрясение было так велико, что свело бы в могилу всякого, но только не Агасфера. Он просто погрузился в себя и в свои горькие мысли, он больше не хотел никого видеть. И соседа, который навестил его, чтобы заказать новую обувь, а заодно выяснить, куда исчез и почему не появляется на людях старик (умер, что ли, наконец?), Агасфер встретил гнусной бранью. Он потрясал кулаками, он плевался, он грозил убить несчастного, который без спроса переступил порог его дома. Сосед в ужасе выбежал на улицу, а для Агасфера наступил момент отрезвления. Впервые за многие дни он пришёл в себя настолько, что задумался, как жить дальше.

Ясно было только одно: из этих мест пора уходить. Нельзя оставаться в городе, где на тебя показывают пальцем. Жить там, где всё опостылело. Где все ждут твоей смерти и считают прожитые тобою годы. Бежать, куда глаза глядят... Но сердце измучено тоской и неопределённостью, душа омертвела. Страшную, страшную смерть на кресте принял Назаретянин. Однако ещё страшнее вечная жизнь, которую он уготовил старому сапожнику...

При мысли об Иисусе Агасфер ощутил такой прилив ненависти, что вскочил на ноги с молодой резвостью.

Впоследствии он вспоминал этот миг бесщётное количество раз. Именно тогда он в каком-то озарении вдруг увидел своё будущее, и понял, чем займёт жизнь, обещавшую стать бесконечной. Понял и заскрежетал зубами от злобной радости.

...Агасфер ушёл из Иерусалима ночью. Полусонный стражник не хотел выпускать его, но Агасфер сунул медную монету, и тот с ворчанием открыл противно заскрипевшую створку городских ворот.

Оказавшись за городом, сапожник глубоко вдохнул воздух душной летней ночи, поправил ляжку заплечной котомки и неторопливо побрёл вперёд. Ему было всё равно, куда идти. Спешить не приходилось.

Дни складывались в месяцы, месяцы в годы, а годы в столетия...

За первые три века странствий Агасфер обошёл множество мест. Он повидал египетские пирамиды и полноводную реку Конго, окунал руки в солёную рябь Мёртвого моря и бросал камни в стервятников, летавших над пустыней Негев. Он кочевал с арабами-бедуинами и спал с чернокожими женщинами. Он ел мясо диковинных животных и пил пряно пахнущие напитки, после которых голова становилась лёгкой, а ноги тяжёлыми. Он всё пробовал, всё наблюдал, всё запоминал.

Когда ему надоедало бродить, он останавливался на несколько недель, порой месяцев, пожить в каком-нибудь городе. Деньги ему почти не требовались, да и на что деньги перекаати-полю, способному обходиться без пищи и крова? Но время от времени была нужна новая одежда или обувь, и тогда он садился в людном квартале с протянутой рукой. Вид измождённого старика вызывал жалость, подавали неплохо – никому ведь не приходило в голову, что в худом жилистом теле скрыта нестарая сила, а белым крепким зубам Агасфера, если присмотреться, позавидует и молодой...

Агасфер чувствовал себя здоровым и сильным, как никогда. Постоянное ощущение бодрости не зависело от времени дня или года, было с ним в жару и холод. Оно не приедалось и составляло чуть ли не единственное удовольствие в тусклой жизни Агасфера. Ещё он по-прежнему загорался при виде широкобёдрых женщин – и молодых, и зрелых, – на которых готов был тратить всё, что зарабатывал милостыней. И не только ею.

Однажды Агасфер остановился пожить в арамейском городе Тисе. И вот как-то вечером отправился в дом, где принимали гостей доступные женщины. Агасфер выбрал блудницу по имени Мира, но договориться с ней не удалось: за свои ласки Мира заломила несусветную цену. Напрасно распалённый Агасфер клялся, что завтра же принесёт недостающие монеты.

– А вдруг ты до утра не дотянешь? Или умрёшь прямо на мне? Ты вон какой старый, – со смехом сказала Мира, выталкивая Агасфера за порог. Ей просто не хотелось возиться со стариком.

Разъярённый отказом, Агасфер плёлся на постоянный двор, а перед глазами его стояла Мира – смуглая, с едва прикрытой высокой грудью, с крепкими длинными ногами... До помутнения рассудка ему требовалась женщина. Агасфер сдавленно ругался.

Навстречу ему попался подвыпивший спотыкающийся прохожий. Агасфера словно что-то ударило изнутри. Пропустив человека на несколько шагов (тот покачивался и что-то мычал под нос), он обернулся и на цыпочках пошёл следом. Убедившись, что рядом никого нет, Агасфер в два прыжка догнал жертву. Из всех сил он обрушил на непокрытую голову сучковатый посох, много послуживший ему в странствиях. Человек с разбитым черепом беззвучно обвалился на землю. Дрожащими руками Агасфер обшарил труп и чуть не закричал от радости: в его руки попал кошель с серебром.

Вскоре Агасфер лежал в объятиях Миры, не понимавшей, откуда старик взял недостающие деньги, и слегка напуганной его пылом и выносливостью. Первое в жизни убийство настолько разгорячило его, что от женщины он оторвался только под утро, и напоследок с сожалением окинул взглядом усталую Миру, у которой не было сил даже сдвинуть бёдра и прикрыть наготу. Мелькнула мысль, не остаться ли ещё – денег хватило бы. Но пора было уходить из Тиса, этого маленького городка, где убитого могли вот-вот найти и начать разбирательство...

Время лилось мимо Агасфера невидимым и неиссякаемым потоком. Бывший сапожник давно свыкся с мыслью о собственном бессмертии и неуязвимости. Очередное подтверждение он получил, когда однажды, зазевавшись, не успел вовремя выскочить из Нила, и огромный крокодил в стремительном броске дотянулся до правой ноги Агасфера. В глазах потемнело от дикой боли, но уже через несколько секунд Агасфер пришёл в себя и потрясённо увидел, как из кровавой культы ниже колена вырастает новая нога. Зелёная лупоглазая сволочь ещё переваривала добычу, а сапожник уже был в состоянии ходить...

А попытка чернокожего шамана отравить его сушёными ядовитыми грибами? Агасфер съел всю связку без каких-либо последствий, если не считать бурчания в животе, после чего ещё раз попытался втолковать шаману, что вовсе не

претендует на верховную власть в племени, что на племя он вообще наткнулся случайно, пробираясь сквозь джунгли. Однако этот татуированный с головы до ног недоумок в диковинной рогатой тиаре, не слушая объяснений, вырвал у одного из воинов бамбуковое копьё и проткнул Агасфера. Сапожник пошатнулся, но и только. Он с кряхтением вытянул копьё через спину, в сердцах швырнул его на землю – сквозная рана зарастала прямо на глазах потрясённых негров. Галдя наперебой, они попадали на колени и жестами упросили Агасфера остаться у них. Должно быть, чернокожие приняли его за неведомое божество. Агасфер надолго остался в деревне и ничуть не пожалел об этом. Его поселили в лучшей хижине, окружили почётом и предоставили право спать с любой приглянувшейся женщиной. А главное, присмиривший шаман со временем многое показал, и научил Агасфера такому, что мысли его, получив неожиданный толчок, приняли некое, пока ещё крайне смутное направление...

Как уже говорилось, телесно Агасфер чувствовал себя наилучшим образом. Но душа, душа... Да, он свыкся с бессмертием, как горбун привыкает к своему горбу, а слепец к вечному мраку. Свыкся – однако не смирился. Бессмертие оторвало его от обычной жизни, вознесло над людьми – и сделало безмерно одиноким. Иногда он с болью и нежностью вспоминал своих жён, детей, внуков, а вспоминая, плакал от невозможности упокоиться рядом с ними. В такие дни ему становилось настолько плохо, что, подняв руки к небу, он бессвязно и униженно кричал: «Ну, хватит, хватит уже! Ты же видишь, как я наказан, как страдаю! Неужто нет мне прощения?..» И, не дождавшись ответа, впадал в бешенство. В такие дни он всегда кого-нибудь убивал. Нарушая Божью заповедь, он испытывал огромное удовольствие. Ударив человека ножом в спину или камнем по голове, а потом, топча и пиная бездыханное тело, он бормотал: «Ты видишь, видишь?.. Ну-ка, накажи меня!.. Что – рука не поднимается? Не можешь отменить собственный приговор? Какой же ты Бог...»

В начале четвёртого века своих странствий Агасфер заплатил капитану торгового судна, и, устроившись в трюме на мешках с сушёными фруктами, пересёк Средиземное море. Так он впервые попал в Рим. Великий город, породивший небывалую империю, агонизировал. Его осаждали орды воинственных варваров – диких, волосатых, одетых в звериные шкуры, с горящими от жестокости и жадности глазами. У Рима уже не хватало сил отбивать их натиск. Всё чаще римские императоры были вынуждены откупаться от германцев и гуннов золотом, серебром, шёлковыми и шерстяными одеждами. Но конец империи был предопределён. И когда Рим, наконец, был взят вандалами-германцами, началось светопреставление.

Две недели варвары глумились над Римом и римлянами. Они грабили город, разрушали храмы и дворцы, уничтожали всё, что было красиво и радовало глаз: статуи, фрески, лепные украшения на фасадах. Две недели над Римом висел многоголосый вой людей, которых убивали и насиловали прямо на улицах и площадях.

Агасфер хладнокровно, даже с любопытством, глазел на происходящее. В хлебе он не нуждался, а вот зрелища его, как и в прежней жизни, развлекали. Никакой жалости к жителям Рима он не испытывал. Когда-то они завоевали полмира и столетиями везли из провинций в метрополию золото, рабов, продовольствие. Но когда клыки стачиваются, мускулы дрябнут, а хватка слабеет, лев становится добычей собак. Так в природе, так и в жизни. Всё идёт своим чередом, о чём и кого жалеть?

И Агасфер бродил по растерзанному Риму простым наблюдателем, стараясь ни во что не ввязываться. Он ночевал в опустевших домах, заходил в брошенные лавки, рылся в кладовых разрушенных дворцов. При всей ненасытности германцы не могли ограбить Рим дочи́ста – слишком много богатств скопилось в городе. Можно было поживиться и съестным, и ценностями, и одеждой. Впрочем, желающих поживиться хватало и без Агасфера. Вслед за варварами в Рим хлынули орды мародёров, среди которых было много вчерашних рабов. Порой возникали забавные ситуации. Столкнувшись в заброшенном доме со стариком, какой-нибудь дюжий парень, распалённый видом даровой добычи, гнал Агасфера взашей. Тот униженно кланялся, просил разрешения остаться и тоже что-нибудь взять. Тогда парень хватал старика за шиворот и... оказывался во власти сильных, совсем не старческих рук. Не один мародёр остался лежать среди римских руин со свёрнутой шеей или разбитой головой...

В течение трёх следующих веков серый плащ Агасфера мелькал на пыльных дорогах Германии, Галлии, Венгрии. Выбор пути Агасфер всё больше и больше подчинял вызревавшему в нём замыслу. Он побывал в славянских землях и на британских островах. Оттуда он отправился в Азию. Добравшись до Индии, он провёл там несколько десятилетий, затем столько же – в монастырях китайского Тибета. В его бессмысленной жизни появилась цель, и он пошёл к ней, не торопясь. Куда спешить бессмертному?

Нельзя вечно любить женщину.

Нельзя вечно наслаждаться вином, или хлебом, или зрелищем.

Вечно можно только ненавидеть.

За минувшие столетия Агасфер сполна испробовал всё, что можно есть и пить; раздвигал ноги женщинам разного обличья, возраста и цвета; посмотрелся на смешное и страшное. Он изведаль всё и всем пресытился. Теперь ему было безразлично, что у него на тарелке и с кем он проснулся поутру. Смешное больше не смешило, а страшное давно не пугало. И только одно чувство он сохранял в себе неизменным сквозь толщу времени – ненависть. Ненависть к виновнику своих мучений.

Ненависть стала привычным состоянием Агасфера. Он жил и дышал ею. Он с наслаждением вспоминал измученное, окровавленное лицо Иисуса и жалел, что его крестные муки длились всего несколько часов. Обижая или убивая очередную жертву, он воспаленно представлял, что на самом деле причиняет боль самому Христу, и на какое-то время успокаивался. Но ненадолго.

В сущности, Агасфер объявил Христу войну, и воевал, как мог. Он постоянно бросал ему вызов, он богохульствовал, он крал, насиловал, убивал, гадил в церквях. И – ничего в ответ! Никакого наказания, бессмертие не убывало. Агасфер впадал то в ярость, то в уныние. Что толку нападать на врага, который тебя не замечает, а может, и вовсе забыл о твоём существовании? Да и где тот враг, в каких заоблачных высях обретается?

Агасфер постоянно думал о Христе. Он не мог понять смысл его поступка. Если ты сын Бога и сам Бог, что тебе в этих мерзких, глупых, суетливых созданиях, именуемых людьми? Ведь на сотню таких едва ли найдётся один, который живёт умно, честно, делает добро и сторонится зла. Признай это, признай, что попытка сотворения оказалась неудачной, сотри с лица земли род людской, и создай взамен кого-нибудь совершеннее – вот это было бы деяние, достойное Бога! Но принять крестную муку ради спасения людей, ради искупления грехов человеческих – нет, этого Агасфер понять не мог. А ведь Иисусу действительно было больно, чудовищно больно...

И чем ему, спрашивается, люди отплатили? О-о, много чем! Целыми народами обращались в христианство, понастроили храмов, изукрасили их картинами с изображением Распятого, наизусть заучивали Библию... А толку? Разве

прибавилось от этого в мире добра, тепла или света? Разве люди стали мудрее, чище, лучше? Странствуя, Агасфер насмотрелся такого, что при одной мысли об этом злорадно ухмылялся. Во всём христианском мире лилась кровь. Люди бесконечно воевали, жгли замки, деревни и города, резали друг друга за деньги, за кусок земли, за женщину, и никакая Библия не могла их остановить. Да что Библия! Не было страны, где грехи попов и монахов не вошли в поговорку. А во главе были первосвященники, римские папы – как на подбор пьяницы, прелюбодеи, кровосмесители, мошенники... Иногда Агасферу казалось, что христианский мир своим поведением просто мстит Христу за него, Агасфера.

Конечно, это было приятно. Однако не такой – нет, не такой! – мести требовала душа вечного странника. Часто, не в силах заснуть, ворочаясь с боку на бок на каком-нибудь постоялом дворе, он представлял: вот он совершил такое, что Иисус, этот Бог, ужаснулся, и совсем по-человечески проклял тот час, когда связался с Агасфером... В такие минуты сердце бешено колотилось в груди, становилось жарко, и Агасфер заранее испытывал острое наслаждение, перед которым самое вкусное блюдо или самая искусная пылкая женщина – ничто, пустяк. Дело оставалось за малым: понять, что именно необходимо совершить, какой нанести удар. Найти самое больное место Распятого...

Однажды (это было в галльском городишке Нивен) Агасфер стоял на площади посреди ревущей толпы горожан, морщился от осенней сырости и смотрел, как в огне корчится женщина, уличённая в колдовстве. Неподалёку священник в грязной рясе, с крестом в обнимку, бормотал молитву; палач деловито подбрасывал в костёр дрова; языки пламени с весёлым потрескиванием выжигали остатки жизни из обугленного женского тела...

И вдруг Агасфера осенило.

Он даже замер, боясь движением или дыханием спугнуть неожиданную мысль.

Потом он засмеялся, задрал бороду, и возбуждённо крикнул в низкое серое небо:

– Ты пострадал за людей? Ты любишь их? Ты хотел их спасти?

И уже спокойно добавил, глядя на последние судороги ведьмы:

– А я их – погублю.

Чтобы сражаться с Богом, надо иметь силу, равную божественной. Мыслимо ли такое для человека?

Но Агасфер уже давным-давно не был обычным человеком. В минуты горькой иронии он именовал себя порождением Божьим. И разве не был он прав, если бессмертием его наказал сам Иисус Христос?

Но это – как посмотреть. Можно произнести слово «наказал». А можно другое: «наделил». С некоторых пор Агасфер начал смутно ощущать, что бессмертие – мука его и проклятье – таит в себе некие возможности для борьбы с Христом.

Было время, когда, желая отомстить Распятому, он страстно призывал на помощь дьявола. И – ничего. Лукавый так и не откликнулся на горячий призыв того, кто мог бы стать его самым верным союзником. Из этого разочарованный Агасфер сделал единственный возможный вывод: идея Сатаны – ложная. Всё зло, которое только есть на земле, заключено в самих людях. Многовековые странствия и наблюдения лишь укрепили Агасфера в этой мысли.

Но почему тогда столь живучи легенды о дьяволе? С течением времени Агасфер нашёл ответ. С одной стороны, эти легенды породила церковь: они великолепно оправдывали её существование как единственного оплота борьбы с нечистым. С другой стороны, нельзя отрицать, что в основе легенд были реальные случаи и события. Ведь это правда, что в мире всегда существовали такие люди, которые умели совершать запредельное, необъяснимое, другим и не снившееся. И чаще всего свои возможности эти люди употребляли во зло. Вот и рождались легенды о слугах дьявола, повелевавших молниями, насылавших порчу, налагавших проклятья... За долгие столетия Агасфер и сам насмотрелся вещей странных и страшных.

...Это было, когда он жил в затерянной африканской деревне. Его окружили величайшим почётом. Негры падали перед ним на колени, а шаман, он же вождь племени, испуганный небывалой живучестью Агасфера, откровенно трепетал перед седым светлокожим пришельцем. Агасфер быстро овладел нетрудным языком туземцев. Их быт выглядел таким же примитивным, как и наречие, и складывался из одних лишь забот о пропитании. Мужчины охотились на зверей, ловили рыбу, собирали плоды. Их женщины, кроме нехитрого хозяйства, занимались воспитанием детей.

А духовную жизнь племени, которое насчитывало человек двести, цепко держал в своих руках шаман. Агасфер с интересом наблюдал, как этот язычник совершает свадебные или похоронные обряды и приносит жертвы своим богам, выпрашивая удачу на охоте. Раз в неделю он собирал мужчин в большой хижине и устраивал ритуальные танцы. Его помощник ритмично бил колотушкой в огромный бубен с туго натянутой кожей – сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. Шаман сопровождал удары пронзительным песнопением. Негры двигались в такт глухим ударам колотушки. Они приплясывали, дёргались из стороны в сторону, размахивали руками и в полный голос подпевали шаману. А тот на глазах у всех постепенно впадал в неистовство. Его лицо, бешено гримасничая, наводило ужас.

Ритмичные удары колотушки, песня, танец – всё вместе приводило собравшихся в странное состояние. Когда звук бубна неожиданно обрывался, кто-то застывал на месте с отвисшей челюстью и бессмысленным взглядом, кто-то падал на грязный пол хижины, содрогаясь в конвульсиях. В наступившей тишине тяжело дышащий шаман, воздев руки, начинал вещать. Он объявлял волю богов, он прорицал, он хвалил одних и грозил суровым наказанием другим. Люди слушали его с тупым выражением на лицах – покорные, безвольные, испуганные. Казалось, начини шаман их сейчас убивать по очереди, никто и пальцем не шевельнёт, чтобы спастись.

Довелось Агасферу видеть и другое. Один из охотников, по имени Мбебе, отказался уступить шаману в наложницы свою невесту, самую красивую девушку племени. Бунт в этой маленькой деревне был делом неслыханным. Четыре воина силой привели юношу к шаману. Тот приказал, чтобы Мбебе привязали к дереву. Агасфер видел, как шаман, подойдя к парню, долго, пристально глядел ему в глаза, и при этом вполголоса произносил какие-то слова. Потом он погладил Мбебе по голове, задержав руку на затылке. Юноша пронзительно вскрикнул и обмяк. Его развязали, облили водой; он пришёл в себя, но... это был уже другой человек. Он жил, как во сне, и безучастно выполнял всё, что ему приказывал шаман. Когда тот на глазах у Мбебе насиловал его рыдающую невесту, парень равнодушно смотрел в сторону...

На этом, однако, история не закончилась. Потрясённый отец Мбебе вместе с двумя уважаемыми в деревне стариками пришёл к шаману, и потребовал, чтобы тот расколдовал его сына. Расплата за дерзость последовала немедленно и была страшной. Разгневанный шаман позвал Мбебе, что-то велел ему вполголоса, и парень тут же убил всех троих. Начал он с отца... Трупы стариков на всеобщем

обозрению пролежали весь день возле хижины шамана, прежде чем были брошены в наспех вырытую могилу без всякого прощального обряда.

Но и это ещё был не конец. Наутро поражённый Агасфер увидел, что трое убитых накануне людей слоняются по деревне, еле передвигая ноги и глядя перед собой пустыми глазами. Матери в панике прятали от них детей. Деревня словно вымерла, парализованная ужасом.

– Что это? – спросил Агасфер у своей наложницы, указывая рукой на воскресших покойников, чьи лица и тела уже были тронуты тлением.

– Если шаман мстит, он мстит до конца, – непослушными губами проговорила женщина. Её колотила дрожь, чёрная кожа посерела от страха. – Сначала он приказал их убить, а потом оживил. Теперь это зомби.

– Теперь это... кто?

Из дальнейших бессвязных пояснений Агасфер понял, что шаман властвует не только над жизнью, но и над смертью соплеменников. При желании он может воскрешать покойных. Зомби, эти ходячие трупы, в состоянии делать несложную работу и защищать оживившего их шамана – своего господина. Сами они мало что сообщают, разговаривают бессвязно и с трудом, а больше мычат. Во время второй, сумеречной жизни, зомби испытывают невероятные мучения, потому и считается, что оживить покойника – значит предельно жестоко отомстить ему. Конец страданиям зомби кладёт лишь окончательная смерть – либо истлеют напрочь, либо кто-то отрубит голову...

Агасфер задумался. Моральная сторона дела его, конечно, не интересовала. А вот искусство шамана, его умение распоряжаться телами, душами, жизнью и смертью соплеменников внушало зависть. Агасфер почувствовал волнение. Как это у него получалось? Дар ли это богов или сокровенное знание, пришедшее из тьмы времени? Агасфер склонялся ко второму. Он знал, что тиара и титул шамана передавались из поколения в поколение, и нынешний хозяин племени много занимается со старшим сыном – готовит в преемники. А если есть знание, которое передаётся от человека к человеку, то боги здесь ни при чём.

Вечером того же дня Агасфер навестил шамана в его богатой хижине, вход в которую охраняли три зомби и Мбебе, своей бледностью и безучастностью

немногим отличавшийся от живых мертвецов. Агасфер невольно содрогнулся при виде парня, сидевшего на корточках рядом с отцом, не узнавая его, как и тот – сына...

– Послушай, вождь, я хочу, чтобы ты обучил меня своему искусству, – без обиняков сказал Агасфер, когда со взаимными приветствиями было покончено.

Шаман даже икнул от неожиданности.

– О каком искусстве ты говоришь, пришелец? И чему я могу научить того, перед кем отступает сама смерть?

– Не юли, – сурово сказал Агасфер. – Ты должен обучить меня, как добиваться от человека полной покорности. И как воскрешать мертвецов. Ты умеешь делать это, я тоже хочу уметь. Сколько сил и времени потребует обучение, меня не интересует.

Агасфер, конечно, рисковал. В деревне его считали чем-то вроде божества и боялись. Идти на поклон к шаману значило показать свою слабость, чего никаким строгим тоном нельзя замаскировать. Шаман, человек неглупый, мгновенно сориентировался и снисходительно улыбнулся – впервые за всё время общения с Агасфером.

– Выходит, не всё в твоих силах, пришелец? – небрежно спросил он. – Мне жаль тебя. Но я ничем не могу помочь. Боги наделяют особой силой только избранных. Как вот меня. Но этой силе нельзя научить. Ею можно только владеть. А ты не избранный. И даже не из нашего племени.

Агасфер задумчиво посмотрел на шамана.

– Значит, говоришь, не избранный, – повторил он.

С этими словами он взял со стола тяжёлый нож и, закусив губу, одним ударом отсёк себе мизинец. Шаман от неожиданности вскрикнул. Из раны брызнул и тут же иссяк фонтанчик крови.

– Ну что, вождь, кто из нас избранный? – со смехом спросил Агасфер, поднося к выпученным глазам шамана обрубок, из которого быстро выростал новый мизинец. – Вот сейчас проверим...

Он схватил руку шамана, припечатал её к столу и угрожающе занёс нож.

– Не надо, не делай этого! – взвизгнул шаман, пытаясь вырваться.

Агасфер подсечкой сбил его с ног, наступил коленом на грудь и быстро приставил нож в чёрному горлу.

– И правильно, – сказал он. – Чего там пальцем рисковать. Давай уж сразу головой...

Шаман в ответ только жалобно замычал – говорить что-либо он боялся.

Агасфер легко встал, отбросил нож и несильно пнул скулящего шамана.

– Вставай, избранный, – сказал он презрительно. – Я тебя не трону. Живи. А взамен ты будешь меня учить. Серьёзно будешь, по-настоящему. Понял? Не то я проверю, вырастет ли у тебя новая голова, если отрезать старую. И никакая тухлятина, – он кивнул в сторону входа, – тебя не спасёт, не надейся...

Учёба в колдовской школе шамана затянулась на десять лет. Из года в год Агасфер всё глубже погружался в омут африканской магии. Её главным объектом был человек, а главной темой – как управлять его жизнью и смертью. Для этого существовали способы, найденные и опробованные столетия назад, сложившиеся в тайную систему знаний. Овладеть ими было делом очень трудным и ещё более долгим. Но тому, кто прошёл этот путь, наградой было могущество.

Как Агасфер и предполагал, ничего божественного, по крайней мере, идущего сверху, в этом искусстве не было. Колдовство шамана строилось на вполне земных знаниях. Он знал свойства различных веществ, растений и трав. Он прекрасно разбирался в строении человеческого тела, и мог, воздействуя на определённые точки, подчинять себе человека. Он хранил в памяти сотни заклинаний, и в них, пожалуй, крылась главная тайна шамана. Агасфер долго не

понимал, почему эти бессвязные, нелепо звучащие скороговорки – и слов-то не разобрать! – подавляют в людях волю и разум. Потом шаман объяснил, что в звуках кроется огромная сила: определённое сочетание их, произнесённое особенным тоном, воздействует на голову сильнее, чем кулак на тело. Агасфер сам видел, как шаман однажды подошёл к провинившемуся охотнику, вполголоса, цепко глядя в глаза, произнёс длинное заклинание и громко добавил: «Завтра в полдень ты умрёшь. Так решили боги». Назавтра молодой крепкий мужчина действительно умер. Просто умер, сам, никто его и пальцем не трогал.

Видел Агасфер и то, как шаман воскрешал покойника. Разрыв свежую могилу, помощник вытащил труп и положил на траву перед шаманом. Тот принялся читать заклинания. Через некоторое время челюсть мертвеца дрогнула, мутные глаза приоткрылись, нос втянул воздух. В этот момент шаман быстро дал ему понюхать какой-то порошок. Агасфер уже знал, что порошок изготавливается из высушенного и растолчённого пузыря маленькой рыбки, обитающей в местной реке. Он был смертельно ядовит (шаман, прежде чем применять его, глотал собственноручно сделанное противоядие), человека убивал мигом, но на покойников, напротив, оказывал возбуждающе-живительное влияние. Вот и теперь труп неуклюже поднялся на ноги и стал тупо озираться по сторонам. Было видно, что голова его безнадежно мертва, бодрствует лишь тело.

– Ты видишь меня? – громко спросил шаман.

Зомби кивнул головой.

– Ты знаешь, что я твой господин, и ты должен слушаться только меня?

Зомби снова кивнул.

– Ты будешь охранять моё жилище, – велел шаман. – Если кто-нибудь нападёт на меня, ты его убьёшь. Если я прикажу что-нибудь сделать, ты сделаешь. Ты понял меня? Хорошо понял?

Зомби утвердительно замычал.

– Иди за мной, – приказал шаман.

Размахивая руками и постанывая, зомби заковылял вслед за своим мучителем...

Ах, как не хотел шаман передавать Агасферу свои знания! Они были его тайной, источником его могущества и власти, и он проклинал час, когда бородатый пришелец невесть откуда появился в деревне. Но что он мог поделаться? Ни оружие, ни яды, ни колдовские приёмы Агасфера не брали. И всякий раз, когда пришельцу казалось, что от него пытаются утаить какой-то секрет, он с недоброй улыбкой, взяв нож, подносил его у мужскому достоинству шамана. И тот, который держал в страхе всё племя, сам был готов ползать на брюхе перед ненавистным учеником.

А ученик из Агасфера получился прилежный. Не жалея времени, он заучивал заклинания, он тысячи раз произносил их, вырабатывая для каждого свой тон, свою высоту голоса, без чего оно не действовало. Не менее важно было умение сконцентрировать свою внутреннюю силу и взглядом направить её в глаза того, кого хотел подчинить. Сочетание взгляда, звуков, тона, дополненное прикосновением к нужной точке на теле или голове, безотказно превращали человека в раба.

Чтобы управлять многими людьми, заклинание требовалось усилить ритмичными звуками бубна, и парами травяного порошка, сжигаемого шаманом в пламени факелов, освещавших ритуальную хижину. Два-три вдоха – и сознание мутилось, воля становилась мягче воска, люди покорно исполняли священный танец, с каждой минутой всё больше напоминая зомби.

Труднее всего Агасферу далось искусство проникать в чужое сознание. Получаться стало только на пятом году занятий. Шаман отдал ему в полное распоряжение одного из стариков племени по имени Вомба. И вот Агасфер, усадив перед собой Вомбу, часами напролёт смотрел ему в глаза и представлял себя гусеницей, ползущей по закоулкам его головы и всё наблюдающей: вот уголок, в котором затаился страх, здесь гнездится удовольствие, там пульсирует раздражение. Одни чувства спят, а другие бодрствуют, рождая мысли, которые нельзя потрогать, но можно ощутить. Агасфер действовал, как наставлял шаман: если хочешь узнать, о чём думает другой человек, войди в его мозг своим разумом и прочти изнутри всё, что там есть.

Долгие месяцы, однако, ничего не получалось. Агасфер начал терять остатки терпения, как вдруг однажды, оторопев от неожиданности, понял: он знает, о чём сейчас думает Вомба. Старик хотел есть, и размышлял, долго ли ещё

придётся сидеть напротив странного пришельца, который день за днём молча сверлит его взглядом.

– Сколько надо, столько и будешь сидеть! – машинально прикрикнул Агасфер. – А накормить я тебя сейчас, так и быть, накормлю.

Вомба в страхе втянул голову в плечи, тогда как Агасфер от радости готов был его расцеловать: получилось! Получилось!..

Дальше пошло проще. Агасфер навсегда запомнил это странное, ни с чем не сравнимое ощущение: ты словно прорываешь извне какой-то кокон и попадаешь вовнутрь, в полумрак чужого сознания, в котором, слегка шурша и потрескивая, мелькают картинка-мысли. И человек становится ясен, как на ладони.

... На десятом году обучения Агасфер понял, что шамана он практически выпотрошил, – учиться больше было нечему.

К этому времени он переупражнялся чуть ли не на каждом жителе племени. Он превращал людей в безмозглых, не рассуждающих животных, способных лишь выполнять приказы. По его команде они дрались, спаривались, калечили друг друга, ходили строем, вспарывали соседу и себе животы. С ними он мог делать всё. Агасфер не зверствовал и не развлекался – он оттачивал мастерство. Тела, головы и души африканцев были ему абсолютно подвластны. В сущности, он давно уже стал хозяином племени – в гораздо большей степени, чем его вождь-шаман.

Агасфер заскучал. Наскучил чернокожий народец, надоела деревня, затерявшаяся в бескрайних африканских джунглях. Агасфера тянуло в большой мир. Изнутри жгло колдовское знание, не терпелось испытать его на других людях и в других местах.

– Я ухожу, вождь, – однажды поутру сказал он шаману. – Совсем ухожу.

Шаман опасливо, не веря ушам, посмотрел на Агасфера. Он уже стал забывать о том времени, когда безраздельно царил в племени – пришелец давно и безжалостно забрал власть в свой кулак. Чем сильнее он становился, тем больше его боялись, и совсем перестали бояться шамана. А какая же власть без страха... Но если он исчезнет, всё может пойти по-прежнему. И старое сердце шамана

бешено заколотилось в груди от внезапно вспыхнувшей надежды.

– Нам будет не хватать тебя и твоей мудрости, – осторожно произнёс шаман. – Может быть, ты передумаешь? Разве тебе у нас плохо? Твои женщины станут плакать без тебя...

– Ты ещё вспомни о моих детях, – насмешливо сказал Агасфер (действительно, по деревне бегал добрый десяток разновозрастных ребятишек, прижитых от него). – Нет, я уйду, это решено. Что мне здесь делать? Все свои знания ты мне отдал, взять с тебя больше нечего.

– Это правда, – сказал шаман, опустив голову. – Я тебя научил всему, что знаю и умею сам. Ты стал таким же.

– Намного сильнее, – поправил Агасфер.

С этими словами он стремительно коснулся обнажённой груди шамана, и, скороговоркой произнося заклинания, свирепо уставился ему в глаза.

Не ожидавший нападения шаман покачнулся. На его висках вздулись вены. Казалось, он отчаянно сопротивляется какой-то вторгшейся в него силе. Задышавшись и бормоча контрзаклинание, он попытался закрыть лицо рукой, но она безвольно упала. Агасфер коротко засмеялся. Ощущать своё могущество было прекрасно. Всю силу, всю энергию он сосредоточил в глазах, и теперь, не сходя с места, ломал сопротивление, грубо калечил мозг шамана, испускавшего душераздирающие вопли.

Шаман простонал в последний раз и сник. Он стоял в беспамятстве, с головой, упавшей на грудь, и опущенными руками. Агасфер взял его за короткие курчавые волосы, вздёнул голову и внимательно оглядел зрачки.

– Был вождь и кончился, – пробормотал он. – Но бился до последнего... Ты слышишь меня? – громко спросил он.

– Слышу, – глухо откликнулся шаман.

– Тогда делай то, что я скажу. Сейчас я хлопну в ладоши, и ты перестанешь дышать. Совсем. Так надо. Я так приказываю. Не вздумай ослушаться. Кивни, если понял.

Шаман безучастно кивнул.

Агасфер хлопнул в ладоши.

Несколько минут он с интересом наблюдал, как искажённое лицо шамана, переставшего дышать, багровеет на глазах. Он беззвучно раскрывал и закрывал рот, но лёгкие словно отказались ему служить. Наконец ноги шамана подкосились и, мелко задрожав, он рухнул на пол своей хижины...

Ночью Агасфер, упражняясь, оживил его. А утром ушёл из деревни. Шаман-зомби с жалобными нечленораздельными стонами долго ковылял следом, пока, споткнувшись о толстый корень дерева, не упал в болото. Оно быстро засосало его. Оглянувшись, Агасфер ещё увидел торчащую из зелёной жижи чёрную руку со скрюченными пальцами.

Когда Агасфер, глядя на умирающую в пламени костра ведьму, произнёс обещание погубить людей, это означало лишь одно: он понял вдруг, что нашёл самое больное место Христа. Если уж Распятый решился ради них на крестные муки, то, стало быть, ничего более дорогого для него нет. Чем больше беды принесёшь роду человеческому, тем сильнее будет страдать Иисус. И тем быстрее он прервёт путь Агасфера, спасая от него людей, с которыми связан пуповиной общего происхождения.

Надо только, чтобы чаша земного горя, с его, Агасфера, помощью, переполнилась. Но сделать это трудно, чрезвычайно трудно. Он, Агасфер, веками убивал, насиловал, богохульствовал – и что, кто-нибудь заметил это, кроме жертв, которые исчислялись сотнями? Значит, мера причинённого зла должна быть совершенно иной, чтобы счёт жертв шёл на тысячи, десятки и сотни тысяч...

А вот меру зла определит мера его могущества. С помощью африканской магии он держал в кулаке маленькое чернокожее племя. Но мир огромен, и в разных его уголках наверняка хранится тайное знание, которое сможет многократно

увеличить силу Агасфера. Сила эта никогда не станет равна божественной, и человеческий род он, конечно, не создаст. Но держать его в беде и страхе, заставляя Распятого корчиться там, в небесах – вот цель, которую поставил себе Агасфер и которую считал достижимой. В конце концов, перед ним была вечность.

Неторопливо скитаясь по свету, Агасфер всюду искал сведения о чудесном, таинственном, загадочном. Он заводил разговоры об этом с дорожными попутчиками, трактирными собутыльниками и случайными женщинами. Конечно, его не интересовали басни о драконах или гоблинах. Но легенды о людях, наделёнными совсем не человеческими свойствами, он собирал жадно, по крупицам. В сущности, он сам давно уже стал одним из таких людей и с удовольствием пользовался своим колдовским искусством. Но пока это было только для забавы. Например, сунуть в руку хозяину постоялого двора пару щепок и заставить его думать, что с ним расплатились полновесным серебром. Или пристальным взглядом внушить неприступной красавице животную страсть, которую она, изнемогая, спешила утолить с морщинистым стариком прямо в придорожном бурьяне. Или незаметно пробраться в церковь во время проповеди и вложить в голову священника такое, что он, против собственной воли, начинал славить Сатану. Заканчивалось это чаще всего тем, что возмущённые прихожане стаскивали духовного пастыря с амвона и забивали насмерть...

Конечно, не эти шалости были целью Агасфера. Он мечтал найти людей, посвящённых в тайны, которые дают власть над миром. Он был готов служить этим людям, стать их учеником на любых условиях, если надо – ползать перед ними на коленях, лишь бы приблизиться к заветному знанию. Он верил, он чувствовал: это знание где-то есть и кто-то им владеет. Но кто?.. И Агасфер с утроенной энергией продолжал свои расспросы, где только мог.

Так, постепенно, собирая людскую молву, он узнал о существовании кельтских друидов, славянских волхвов, индийских йогов, китайских монахов. И маршрут его странствий определился на столетия вперёд. Отныне путь лежал в земли, где обитали эти загадочные существа в человеческом облики. Слишком многое приписывала им молва, чтобы назвать их просто людьми.

Этот отрезок жизни Агасфера длился более трёх веков. Уже потом, оглядываясь на столетия, отданные изучению магических искусств, Агасфер положила руку на сердце мог сказать – молва, как ни удивительно, в этом случае не преувеличивала. Скорее, наоборот. Возможности, открывавшиеся ему, были

почти безграничны. Но как же долго и трудно он шёл к ним...

Все посвящённые – и друиды, и волхвы, и йоги, и монахи – были довольно малочисленны, и очень замкнуты. Владение тайными знаниями спаяло их в закрытые касты. Посторонних в свой круг они почти не допускали и делали это лишь по собственному выбору. Агасфер навсегда запомнил, как, переплыв море и вдоволь наскитавшись по британским островам, он всё-таки нашёл в глухих лесах Уэльса поселение друидов. Кельтские маги при всём своём могуществе прозябали. Минули времена, когда слово друида было законом для всех, он высказывался первым, а король – только вторым. Наступила иная пора, на острова пришли сначала римляне, потом люди из других племён со своими богами и жрецами. Друиды остались не у дел, и предпочли уединиться в лесах. Там в течение столетий они медленно, один за другим, уходили из жизни, притока свежей крови почти не было, и некогда могучий клан оказался на грани вымирания.

Поселение друидов состояло из нескольких десятков небольших домов с маленькими оконцами, затянутыми мутными воловьими пузырями. Оно было огорожено покосившимся частоколом, проём ворот охраняли стражники, вооружённые мечами и короткими копьями. Агасфер легко мог бы проникнуть незамеченным, но делать этого не следовало. Напротив, он аккуратно постучал камнем в ворота и на местном наречии попросил проводить его к старейшине.

Его отвели в самый большой дом, стоявший посреди посёлка. Рядом находилось капище – молитвенное место с грубо вытесанными из камней изваяниями богов и фигурками тотемных животных. Некое подобие алтаря, вблизи которого пылал огонь, было покрыто бурыми пятнами – следами жертвоприношений.

Из дома, опираясь на посох причудливой формы, вышел высокий худой старец в просторной пёстрой одежде. Это был Коннахт, верховный друид. Волосы до плеч, вившиеся из-под тюрбана, длинная борода, кустистые брови, были пепельно-седыми, и лишь глаза, словно по контрасту, чернее ночи. Они быстро и цепко, совсем по-молодому, осмотрели Агасфера.

– Кто ты и откуда пришёл, чужестранец? – спросил, наконец, Коннахт низким и звучным голосом, который никак не вязался со старчески-хрупкой внешностью. – Давно уже никто из внешнего мира не переступал наш порог... Или ты ошибся дорогой?

Агасфер чуть не рассмеялся. Ошибиться дорогой было невозможно, потому что никакой дороги, собственно, и не было – к друидам вела еле заметная тропа сквозь лесную чащу. Однако он решил не отклоняться от заготовленной речи: пришёл-де сюда по своей воле – наслышан о мудрости и знаниях великих друидов и мечтаю к тем знаниям прикоснуться. Хочу остаться здесь, готов день и ночь выполнять самую грязную работу, чтобы только быть вашим учеником. Я пригожусь вам, не гоните...

Коннахт нахмурился и холодно посмотрел на Агасфера.

– Так ты хочешь стать друидом? – переспросил он.

– Это самое заветное моё желание, – подтвердил Агасфер.

– Оно невыполнимо, – отрезал старец. – Мы не передаём наше знание чужакам. Но даже если бы я решил помочь тебе, это тоже невозможно. Какой из тебя ученик? Ты стар почти так же, как и я (Агасфер про себя усмехнулся), а чтобы постичь наше искусство, нужна целая жизнь. Ты умрёшь раньше, чем успеешь чему-нибудь научиться. Да и голова твоя уже плохо воспринимает новые знания... Откуда бы ты ни пришёл, но путь к нам проделал зря. Ступай обратно – таков будет мой ответ.

Агасферу захотелось взять Коннахта за морщинистую шею и слегка придушить. Самую малость, чтобы сделать старика сговорчивее. Но так можно было бы поступить с черномазым шаманом. А перед ним стоял друид, один из немногих оставшихся в живых великих кельтских магов, и Агасфер чувствовал невольное почтение, пополам с опаской.

– Как мне убедить тебя, мудрый Коннахт? – тихо спросил он. – Я не так стар, как выгляжу. Во всяком случае, голова у меня ясная, а тело крепкое. Ни в работе, ни в битве молодым не уступаю. И если только ты пожелаешь, я из чужого стану своим. Что я должен для этого сделать? Я готов жить рядом с вами, соблюдать ваши обычаи и молиться вашим богам, которые станут и моими. Я буду работать за двоих, а есть меньше одного. И если на вас нападут, вместе с вами возьму в руки меч. Подумай, Коннахт, воинов и работников у тебя мало. А взамен ты дашь мне частичку своей мудрости...

Коннахт нахмурился ещё сильнее. В последнее время его мучили дурные сны, которые он истолковывал как знак приближения плохих событий. И теперь он с недоверием смотрел на странного чужеземца, державшегося почтительно, однако смело и уверенно. С чего бы? Коннахт попробовал проникнуть в сознание Агасфера и – оторопел: впервые он не мог прочесть мысли другого человека, его голова была словно закрыта невидимым щитом. Коннахт сконцентрировал внутреннюю силу и уже открыто уставился прямо в глаза Агасферу, пытаясь проломить этот щит. Вновь бесполезно! Незнакомец выдержал взгляд друида, разве что чуть побледнел. Коннахт невольно, как всегда в затруднительных случаях, коснулся нашейного мешочка со священными камешками и засохшими веточками омелы.

– А ты не прост, чужеземец, совсем не прост, – мрачно сказал друид. – Вижу, кое-что ты умеешь, и с нашей помощью хочешь стать ещё сильнее. Но тебе это не удастся. Уходи!

Сказав так, Коннахт повернулся к Агасферу спиной. При этом его взгляд случайно упал на огонь, пылавший вблизи алтаря. И вдруг жрец потрясённо застыл на месте.

Священный огонь погас.

Побелевший Коннахт медленно повернулся к Агасферу. Его взгляд был страшен.

– Не знаю, что ты за человек, и человек ли вообще, – проговорил он сквозь зубы. – Но пламя погасло по твоей вине. Какое же зло должно в тебе таиться, если священный огонь тебя не принял!

Агасфер пожал плечами.

– Он не принял меня потому, что меня не принимаешь ты, – спокойно сказал он. – Как только ты передумаешь, огонь тут же послушается хозяина и загорится вновь.

– Прочь! – заревел Коннахт.

Он стукнул посохом о землю, скороговоркой выкрикнул заклинание, и среди ясного неба раздался гром. Невесть откуда взявшаяся молния ударила в землю рядом с ногами Агасфера, так что тот невольно отпрыгнул.

– Если не уйдёшь, следующая попадёт прямо в тебя, – пообещал Коннахт, шумно дыша.

Агасфер улыбнулся и на миг прикрыл глаза.

– Если бы ты знал, мудрый Коннахт, сколько раз меня пытались убить, – тихо сказал он. – Что ж, попробуй и ты...

Почти теряя сознание от гнева, Коннахт вызвал ещё одну молнию. На этот раз она ударила прямо в Агасфера, и тот навзничь свалился на траву. Коннахт засмеялся. Но когда дым рассеялся, остолбеневший друид увидел, что Агасфер поднимается на ноги, страшный ожог прямо на глазах исчезает с лица, груди и рук, и лишь дымящиеся лохмотья напоминают, что человек этот уже должен быть мёртв.

– Вот видишь, – ровным голосом сказал Агасфер. – Ты не можешь меня убить. Я снова обращаюсь к тебе с той же просьбой, великий жрец. Я действительно немного искущён в магии, но мои знания – песчинка по сравнению с вашими. Примите меня, и вы не пожалеете. Ты же видишь, я всё равно не уйду.

Коннахт созвал совет друидов.

Пятеро старцев, укрывшись в доме верховного жреца, решали, как быть с Агасфером. На совете мнения разделились. Двое высказались за то, чтобы немедленно изгнать чужеземца. Двое других, напротив, считали, что чужеземца надо оставить и взяться за его обучение. Новый человек в общине пригодится. Коннахт колебался. Не сумев одолеть Агасфера, он почувствовал любопытство и невольное уважение к странному незнакомцу. Жрец был стар и озлоблен. Он смутно прозревал, что, получив заветное знание, Агасфер принесёт в мир множество бед. Ну что ж... тем хуже для мира, в котором нет достойного места для древнего племени друидов.

Агасфера оставили.

Примерно так же, покинув друидов спустя много лет обучения, он пришёл в славянские земли к волхвам, и убедил их разрешить ему остаться. Потом были монахи в Тибете. Потом индийские йоги. Всякий раз Агасфер сталкивался с недоверием и неприязнью к чужаку, с ним не хотели делиться чудесным знанием, но всякий раз удавалось добиться своего. В итоге его принимали. А главное, учили.

Около трехсот лет Агасфер постигал магическое искусство разных школ. Конечно, они отличались друг от друга, эти школы. Друиды и волхвы, например, больше уделяли внимание взаимоотношениям человека с окружающей его Вселенной. Йоги и монахи, напротив, считали главным самого человека, его внутренний мир. Но и те, и другие, не сговариваясь, были солидарны в одном: человек – сам по себе источник практически беспредельного могущества. Его тело, его мозг, таят в себе колоссальные возможности. Умея управлять этими возможностями, силой мысли можно буквально своротить горы. Собственно, всё, чем Агасфер так или иначе занимался под руководством своих наставников, было подчинено основному: познать себя и свои возможности, развивать их, научиться концентрировать внутреннюю силу и энергию, и воздействовать ими на людей и предметы. А чтобы добиться этого, существовали тайные способы, методы, упражнения – святая святых, самые сокровенные секреты любой школы.

Заветные знания, передаваемые Агасферу, пришли из невообразимой тьмы человеческой истории. Но в них не было ничего сверхъестественного. Сколько бы Агасфер ни слушал мифов о богах и духах, сам он думал на этот счёт по-другому. В основе всего, чему он учился, лежал опыт наблюдений за миром, людьми, звёздным небом – опыт, передаваемый из поколения в поколение. Наблюдая, прародители магов – наставников Агасфера – делали выводы, уходили разумом в неизведанное, и возвращались оттуда с грузом невиданных возможностей. Таких – не жалеющих труда, сил и себя, умеющих наблюдать и думать – всегда было немного. Неизмеримо больше других, которые смотрят и не видят, слушают и не слышат, прикасаются и не ощущают. Потому-то касты посвящённых оставались немногочисленными. Зато вокруг них во все времена в несметном количестве рождались легенды, благодаря которым Агасфер и нашёл дорогу к своим учителям.

... К тому времени, когда вечный странник счёл возможным подвести черту под своим обучением, это был уже совсем другой человек, чем тот, который десять веков назад оскорбил Христа, бредущего на Голгофу. От того, прежнего, осталась одна лишь телесная оболочка, да и ту он мог сменить в любой момент,

переселившись в чужое приглянувшееся тело – таково было одно из его новых умений.

Многому, многому научился Агасфер, странствуя по свету в поисках заветного знания. Отныне он мог летать и убивать одним взглядом, внушать человеку свои мысли и слышать, о чём думают на другом конце земли. Он умел мгновенно перемещаться на большие расстояния и становиться невидимым. Всё это требовало огромных расходов энергии, но йоги научили его черпать энергию прямо из окружающего пространства и накапливать в теле.

Друиды открыли ему великую тайну Мироздания. Единого пространства не существует, пространств-вариантов неисчерпаемое количество. В каждом из них во многом повторяется путь, пройденный людьми и миром в более ранних вариантах. Наставники научили Агасфера мысленно путешествовать в пространствах, и тем самым дали возможность с большой вероятностью предвидеть будущее, а главное – выстраивать его под себя. Ведь зная, что определённый поступок вызовет те или иные последствия, ты сам решишь, делать этот шаг или нет...

Волхвы открыли ему законы живой и неживой природы, и теперь Агасфер был в состоянии вызвать бурю или землетрясение, усмирить зверя или приманить птицу. Тибетские монахи, как никто владевшие искусством самопогружения, в совершенстве управлявшие душой и разумом, научили Агасфера покидать своё тело и переселяться в чужое, вытеснив при этом ум и душу хозяина...

Однажды Агасфер решил закончить обучение. Это случилось тогда, когда он понял, что уже превзошёл своих наставников. В отличие от волхвов, друидов, шаманов, йогов, Агасфер был и друидом, и волхвом, и йогом, и шаманом. В нём бушевала нечеловеческая мощь. Вся земля, все люди были перед ним, как на ладони. И он чувствовал, что теперь в состоянии померяться силой с Богом.

2

Три дня назад Лаврентьев встречал экспедицию в небольшом аэропорту Катманду. Рейс из Дели задерживался, но, в общем, долетели без приключений. Правда, Саша Аликов всю дорогу пытался кадрить хорошенькую стюардессу-

индуску. («Отстань от неё. Человек при исполнении», – ворчал Колесников. «Зато я холостой», – находчиво ответствовал Саша, лаская взглядом стройную фигурку цвета шоколада. Напоследок он выпросил у девушки визитку с номером телефона, который оказался автоответчиком авиакомпании «Хинди эрлайнз».)

Визы оформили прямо в аэропорту, у пограничной стройки, заплатив по тридцать долларов с носа. Лаврентьев повёз их в гостиницу. По дороге обменивались дежурными фразами, присматривались друг к другу. Советник по культуре Дмитрий Лаврентьев, Сергею в первом приближении понравился. Брюнет годков тридцати двух-трёх с пижонскими полубачками и располагающей улыбкой; рука твёрдая, с набитыми костяшками (рукопашник?); массивную «хонду» по узким улицам Катманду вёл плавно и непринуждённо, одновременно успевая курить, оглядываться на гостей и отвечать на вопросы. На «ты» перешли сразу.

– Где устроишь, Дима? – спросил Сергей, любясь проплывающей за окном буддистской пагодой.

– Плохого не предложу, – заверил Лаврентьев. – Центр города, отель «Краун-Плаза». Не роскошный, но хороший, недешёвый.

– Сколько звёзд? – спросил Макеев.

– Четыре. Я забронировал два номера – двух- и трёхместный. По восемьдесят девять евро в сутки с человека. Потянете?

Сергей только усмехнулся. На кредитных карточках у каждого из них лежало по десять тысяч «евриков». Это не считая возможности пополнить счёт одним звонком по мобильнику.

Отель и в самом деле был хорош – светлое пятиэтажное здание в окружении обширного парка, в глубине которого блестело чистое зеркало бассейна.

– А жильцов, похоже, немного, – заметил Колесников, оглядывая холл, пока менеджер – парень вполне туземного вида, но в европейском костюме – оформлял документы.

- Не сезон, - пояснил Лаврентьев. - Осень, вот-вот начнутся дожди.

Разбились по номерам. Они, по просьбе Лаврентьева, были смежные. Сергей поселился вместе с Аликовым. Просторная комната с удобной мебелью и большой лоджией понравилась безоговорочно. В ванной, сверкающей белизной и зеркалами, просто хотелось жить. Впервые попавший за границу (Украина не в счёт) и в отель международного класса, Аликов задумчиво смотрел на приземистое сооружение из фаянса.

- Так вот ты какое, биде... - обронил он.

- Оно самое, капитан, привыкай к буржуазной красивой жизни, - откликнулся более опытный Сергей, раскладывая вещи.

Саша ткнул пальцем в широченную двуспальную кровать.

- Спать-то вместе придётся, - с некоторым сомнением в голосе сообщил он.

- Нормально для духовных людей, - успокоил Авилов. - Мои помыслы чисты, ориентация традиционна... Тебя, собственно, что смущает?

- Ничего не смущает, - буркнул Саша. - Лишь бы не храпел, противный...

Через полчаса Сергей созвал экспедицию в полном составе, включая Лаврентьева. План действий был выработан ещё в Москве, уточнялись только детали. Решили два дня, как полагается настоящим туристам, посвятить красотам Катманду, осмотреться и освоиться, затем взять напрокат джип и выехать на место проведения операции. Лаврентьев сообщил, что с местом он уже разобрался, добираться туда примерно три часа, оружие и амуниция второго дня поступили с дипломатической почтой. («Нам пишут», - хмыкнул Сеньшин.) Слово взял Сергей.

- Хочу ещё раз напомнить: необходима осторожность, - негромко сказал он, обращаясь ко всем. - Не исключаю, что ещё до спуска в пещеру против нас могут предпринять какие-то меры. Бог знает, что у Кукловода на уме. Поэтому держимся вместе, контакты в гостинице и в городе по минимуму. Конфликтных ситуаций избегать, с девушками, - он внушительно посмотрел на Аликова, - не

заигрывать. Разговоры с Москвой только по спецсвязи, только с Брагиным и только через меня. Вопросы есть?

Вопросов не было. Сергей достал мобильник и набрал номер Брагина.

– Аркадий Витальевич? Добрый вечер... ах да, у вас же ещё день... Докладываю: долетели и разместились нормально, Лаврентьев встретил и всё организовал. Действуем по плану... Да, спасибо. Обязательно передам. До связи.

Пряча трубку в карман, Сергей сказал:

– Всем привет от Брагина. Просил передать, что президент внимательно следит за ходом экспедиции и желает успеха. С домашними всё в порядке.

Ужинать отправились в ресторан этажом ниже.

– Заказывать лучше что-нибудь европейское, – предупредил по пути Лаврентьев. – Местная кухня для нетренированного желудка... м-да... лучше не рисковать.

– Что, есть опыт? – с любопытством спросил Саша.

– Есть, – скупно ответил Лаврентьев.

В ресторане было немногочленно. Из невидимых динамиков струилась тихая восточная музыка. Сели за большой стол, накрытый скатертью цвета индиго; такие же салфетки лежали на больших блюдах. Официант с широкой улыбкой и полупоклоном вручил каждому по меню в кожаном переплёте.

– Гляди-ка, на русском тоже есть, – заметил Колесников.

– Учитывают конъюнктуру. наших тут год от года всё больше, – объяснил Лаврентьев. – Экстрим ловят.

– В горы лезут, что ли?

– Почти. Водку пьют... с видом на Гималаи.

Словно в подтверждение его слов с другого конца зала неверной походкой направился к ним какой-то субъект помятого вида с взъерошенной шевелюрой. Костюмчик на нём, правда, был нерядовой, да и ботинки под стать. По пути он зацепил несколько стульев.

– Землякам привет! – провозгласил он, кое-как добравшись до стола, занятого командой Авилова. – До чего же приятно слышать родную речь в этой дыре! Ничего, если я к вам подсяду? Выпьем, поговорим...

Лаврентьев широко улыбнулся, но взгляд его, как заметил Сергей, мгновенно стал холодным и цепким.

– Предложение интересное, спасибо, – сказал он. – Только у нас тут с коллегами деловой разговор. Так что, извините, насчёт выпить и поболтать – это как-нибудь в другой раз.

Незванный гость удивлённо развёл руками и поник растрёпанной головой.

– Ты не понял, земляк, – печально сказал он, часто моргая покрасневшими глазами. – Я не халявщик. Я ставлю. – Он достал из кармана лохматую пачку рупий и долларов вперемешку. – Деловой ужин – это святое. Сам деловой... Но, понимаешь, беда у меня. Сижу в однова, горе заливаю, чего, думаю, на край света занесло... И вдруг слышу – свои, русские... Так обрадовался... Может, всё-таки выпьем, пообщаемся? Недолго, а?

Лаврентьев поднялся и стал между столом и назойливым типом.

– Вы вот что, – сказал он, заботливо беря его под руку. – Ступайте к себе в номер, отдохните. Знаете такое выражение «С бедой надо переспать»? Мы вам сочувствуем, но сейчас очень заняты, очень, вы не обижайтесь...

С каждым словом он потихоньку уводил человека в сторону входа (тот пытался ему что-то рассказывать), пока вовсе не вывел из ресторана. Через несколько минут вернулся и сел за стол, как ни в чём не бывало.

- Где только не встретишь российскую пьянь, - насмешливо сказал Сеньшин.

Лаврентьев покачал головой.

- Может, и пьянь, но если ему верить, родную речь он распознал с другого конца зала. А говорили мы тихо. Опять же музыка, звон вилок и ножей, людские разговоры... Это какой же слух надо иметь?

Макеев кивнул.

- Я тоже подумал. А что он там тебе по пути толковал?

- Да так... ерунду всякую. В общем, странный тип. - Лаврентьев понизил голос. - Я хотел проводить его до номера, но он вырвался, дескать, сам дойду, и пошёл вверх. Я заглянул в службу размещения, спросил, нет ли сейчас в отеле российских постояльцев. Оказалось, что, кроме вас, никого нет. Такие дела.

- Очень интересно, - сказал Сеньшин, откидываясь на высокую спинку стула. - Агент Кукловода?.. А чего хотел? Сесть рядом и что-нибудь подсыпать в еду? Ерунда. Перестрелять или кинуть гранату можно без всякого спектакля... Что ещё? Установить ментальный контроль? Сразу над шестерыми - нереально. Так что же?

- Может, человеку поговорить хотелось. Отсоветовать нас лезть в пещеру, например, - предположил Аликов.

Сеньшин кивнул.

- Похоже, что так. Но не просто поговорить, а впарить нам какие-то сведения, которые осложнили бы экспедицию, посеяли панику, сбили боевой настрой. Заставили дёргаться, в конце концов.

- Ну да. По команде Бендера Паниковский бежит к Корейко с криком «Дай миллион!». И подпольный миллионер в шоке, - иронически сказал Колесников.

- Что-то в этом роде, - согласился Валерий Павлович.

Сергей нахмурился. Этого человека он, безусловно, видел впервые, но было ничем не объяснимое ощущение, что всё-таки они где-то встречались. Внутри, словно счётчик Гейгера при появлении радиоактивных частиц, что-то щёлкнуло: опасность!

- Ладно, - сказал он. - Давайте ужинать - и на боковую. Всё-таки тяжёлый день - перелёты, смена часового пояса. А что касается этого земляка... Не знаю. Может, на воду дуем. Но, во всяком случае, Лаврентьеву благодарность - мигом сориентировался и отсёк нежелательный контакт.

- Надолго ли? - проворчал Колесников.

Тут появился официант с заказанными салатами, и все занялись едой.

После ужина поднялись к себе на третий этаж. У своей двери Сергей неожиданно остановился и поднял руку. Некоторое время он стоял с закрытыми глазами, словно прислушиваясь к чему-то, затем повернулся к своей команде.

- Входить нельзя, - хрипло сказал он.

- Это ещё почему? - изумился Аликов, мечтавший рухнуть под одеяло.

- Номер заминирован.

Саша издал невнятный звук и сделал шаг назад.

- Ты как определил? - озадаченно спросил Макеев, исподлобья глядя на командира.

- Без комментариев, - отрубил Сергей.

- Но...

Сеньшин сжал ему плечо.

– Тебе же сказано: без комментариев, – мягко заметил он, и добавил, обращаясь уже к Сергею: – Дверь, да?

– Она самая... Взрывчатка прилеплена скотчем.... Сдетонирует при открытии...

Колесников вытер мгновенно вспотевший лоб.

– Вот же, ангидрит твою в перекись водорода, – замысловато выругался он. – И что теперь делать? Полицию вызывать? Сапёров?

– Ни в коем случае, – резко сказал Лаврентьев. – Попадём под наблюдение – раз, от журналистов не отобьёмся – два, экспедицию можно сворачивать три... Надо что-то другое. Без шума!

Макеев подал голос.

– Дима совершенно прав, – медленно произнёс он. – Обойдёмся без полиции и сапёров.

– Что ты предлагаешь? – спросил Сергей.

– У вас в номере дверь на лоджию открыта? – ответил Макеев на вопрос вопросом же.

– Открыта, – сказал Саша. – Я её специально так оставил. Люблю, понимаешь, свежий воздух.

– Уже проще. Короче, я со своей лоджии перелезу на вашу, пройду в комнату и разминую дверь. А вы пока идите в бар. Незачем в коридоре толпиться. И в нашем номере оставаться не надо, ведь если что... А потом я позвоню, и вы вернётесь.

Макеев решительно отклонил попытку выделить кого-нибудь в помощь. («Какая помощь? Не кирпичи же таскать. А сапёров среди вас нет».) И Сергей увёл свою команду в бар. Сидели мучительно долго, перебрасываясь незначительными фразами, и напряжённо прислушивались к любому шуму. Выпили по два коктейля, Саша от волнения замахнулся на третий. Наконец позвонил Макеев.

– Поднимайтесь, – разрешил он сдавленным голосом.

Олег выглядел так, словно на нём вспахали Малую землю и целину, вместе взятые. Он был без пиджака, в наполовину расстёгнутой рубашке с засученными рукавами. На столе отдельными кучками лежали плоские брикеты взрывчатки и детонаторы.

– Сюрприз тут был, – сказал он, валясь в кресло (Саша сердобольно плеснул ему виски из мини-бара и сунул бокал в руку). – С дверью-то я быстро справился. Хотел уже вам звонить, а что-то изнутри толкнуло. Дай, думаю, ещё посмотрю, мало ли. Заодно проверю, нет ли «жучков»... Облазил всё, вроде чисто. И вдруг заметил, что на кровати чуть-чуть одеяло топорщится. Я это покрывало минуты три снимал – по миллиметру... Лежала под ним такая маленькая пластинка. Слабенький заряд, на одну-две персоны...

– Да, причём одна из них командирская, – обронил Сеньшин.

Сунув руки в карманы, он прошёлся взад-вперёд.

– Что мы имеем? – спросил он вслух. – В наше отсутствие кто-то проникает в один из двух номеров экспедиции и минировать его. Именно тот, где живёт командир. Очевидно, Кукловод боится его больше всех остальных, считая главной ударной силой. Почему – можно только гадать... я, впрочем, кажется, догадываюсь... но это неважно. Просто примем, как факт, что на равных с врагом способен воевать лишь Авилов. Стало быть, Сергея надо беречь. Может быть, эти два дня ему вообще надо в номере отсидеться. И уж, во всяком случае, не подпускать к нему никого ближе, чем на метр-полтора.

Саша кашлянул.

– Я обеспечу, – сказал он.

Сергей поднял руку.

– Не хочу комментировать, но, в принципе, Валера прав. Не знаю, как вам это объяснить, ребята... а может, и объяснять-то ничего не надо... но чувствую в себе что-то такое... силу какую-то. Мне бы только до Кукловода добраться... Но

отсидживать в номере я не буду. Не думаю, что здесь безопаснее, чем в любом другом месте. А вот меры кое-какие мы примем. Ночью – спать по очереди. Хватит сюрпризов.

– А ты у нас на что? Засёк сюрприз-то... не заходя в номер, – обронил Лаврентьев.

Сергей покачал головой.

– Не переоценивай, Дима. Взрывчатку в кровати я прошляпил. Спасибо Олегу... Ладно, пора отдыхать.

Первым откланялся Лаврентьев. Макеев, Сеньшин и Колесников тоже поднялись.

– Слушай, Олег, – окликнул Авилов, – я тут фотографию жены поставил на тумбу в изголовье... а сейчас вдруг заметил, что стекло в рамке треснуло. Не ты случаем уронил на пол, когда кровать разминировал?

Макеев с недоумением взял фотографию в руки.

– Красавица у тебя жена, – сказал он. – Нет, не я. А пол вообще-то покрыт ковровым. Роняй, не роняй, не разобьётся. Чёрт его знает, Серёжа...

– Странно, – тихо сказал Сергей.

Сеньшин закусил губу и быстро вышел из номера.

Связавшись с Брагиным, Сергей коротко доложил ему о покушении. Аркадий Витальевич разволновался. Он потребовал, чтобы все члены экспедиции соблюдали величайшую осторожность («Величайшую, вы поняли меня, Сергей Иванович?»). Немного успокоился он лишь после того, как Сергей поклялся Буддой и Шивой многоруким и шагу не делать без тройной оглядки. В свою очередь, Брагин сообщил, что успел позвонить Алёне и сказать ей о благополучном прибытии экспедиции в Непал. («У неё всё в порядке, Сергей Иванович. Беспокойся, конечно. Привет передаёт»).

Отключив мобильник, Сергей со злостью подумал, что пора лечить нервы. Нелепая мелочь, треснувшее стекло фоторамки чуть не выбила его из колеи. Этак скоро будешь собственной тени шарахаться... И лишь весточка Брагина уняла тревогу.

Ночь прошла без происшествий.

На следующий день было ясно и прохладно. Несколько часов осматривали королевский дворец, бродили по площади Дурбар и узким улочкам центра, в общем, занимались «сайтсиингом», как сказал взявший на себя роль гида Лаврентьев. Поражало обилие храмов – буддистских, индуистских, исламских. Много было крохотных уличных алтарей, устроенных прямо в стенах домов. Хотя, по словам Лаврентьева, уже не сезон, туристов хватало. Они крутили головами на триста шестьдесят градусов, щёлкали фотоаппаратами и весело переговаривались. В воздухе висел разноязыкий говор. Толпа на улицах Катманду выглядела как этнический коктейль. Среди европейских и арабских туристов мелькали неварцы, индусы, шерпы. Медленно вышагивали буддистские монахи в жёлтых шёлковых накидках, плавно ступали женщины в паранджах или платках, закрывающих голову и плечи. Босоногие, диковатые с виду горцы в тёмных шерстяных плащах ловко маневрировали в людском потоке.

– Вот стою я, простой российский мент, в сердце Азии, и вижу: экзотики – хоть обклюйся, – констатировал Саша, изучавший, задрав голову, ажурную галерею очередного храма.

– И нищих тоже, – вздохнул Колесников, которого обступила оборванная детвора. Майора дёргали за полы куртки, совали в лицо грязные растопыренные ладошки и наперебой чирикали о трудном непальском детстве. Следом подтягивались взрослые в живописных лохмотьях.

– Не вздумай подать, – предупредил Лаврентьев. – Весь Катманду сбежится, затопчут...

Спасаясь от нищих, нырнули в ближайшую лавку, занимавшую первый этаж чисто выбеленного двухэтажного дома.

– Это супермаркет какой-то! – восторженно сказал Аликов, оглядевшись.

Саша был прав. Торговали тут сразу всем: одеждой, тканями, сувенирами, благовониями, ювелирными изделиями. Рис, овощи, приправы, кока-кола, тоже присутствовали. Товары были разложены на прилавке, развешаны по стенам и даже валялись под ногами. Тряся складками живота, подскочил хозяин (или приказчик?), с ходу залопотавший что-то, скорее всего, на непали – коренном языке королевства.

– Делает коммерческое предложение, – ухмыльнулся Лаврентьев. – Предлагает сагибам купить всё, что им понравится, и сулит неслыханные скидки. Врёт, само собой...

– Раз пришли, что-нибудь уж точно купим. Из такой страны да без сувениров, никто не поймёт, – заметил Сергей, рассматривая бронзовую статуэтку Ганеши – божка с человеческим туловищем и слоновьей головой.

– Обязательно купите непальскую бирюзу. Это недёшево, но уверяю вас, такой красоты вы больше нигде не найдёте. Она очень понравится вашей жене, – негромко сказал кто-то под ухом у Сергея на русском языке.

Но ещё за миг до этого Сергей, ощутив за спиной чьё-то присутствие, сделал резкий шаг в сторону и лишь затем оглянулся.

Перед ним стоял высокий худощавый брюнет со смуглым лицом, украшенным точкой чуть выше густых чёрных бровей. Одет он был в коричневый френч и тёмные узкие брюки, голову венчала белоснежная чалма. Словом, классический индус.

– Почтенный, я, между прочим, не люблю, когда ко мне подходят со спины, – сдержанно сказал Сергей.

– И никто не любит, – поддержал Аликов, как бы невзначай оттирая индуса в сторону.

Тот мягко улыбнулся.

– Прошу извинить, если кажусь вам назойливым. – По-русски он говорил бегло и почти без акцента. – Позвольте представиться: Ашрам Чандр, компания «Непал

ройял тур». Мы специализируемся на приёме восточноевропейских туристов, а я руковожу российским сектором. Учился, знаете ли, в Москве, в университете Патриса Лумумбы, ещё при советской власти... Шёл мимо, услышал русскую речь, заинтересовался. И хотя вы, господа, не являетесь нашими клиентами, решил предложить свои услуги. Могу ли быть вам чем-то полезным?

– Благодарю, – холодно ответил Сергей. – Нас обслуживает вполне квалифицированный гид.

Индус развёл руками.

– Тогда не смею навязывать своё общество, – несколько старомодно сказал он. – А непальскую бирюзу всё же купите. Ваша достойная супруга будет в восторге.

– А почему вы решили, что я женат? – спросил, прищурясь, Авилов, не носивший обручального кольца.

Чандр чуть замялся.

– Мне так показалось. Извините...

Он прижал к груди обе ладони, поклонился, и выскользнул из лавки.

Лаврентьев тихо сказал Сергею:

– Пройдусь-ка я за этим типом. Вроде бы всё безобидно, а что-то не то... Встретимся в гостинице. На связи!

Он вышел вслед за индусом. Сергей повернулся к Аликову.

– Александр Никифорович, – мирно произнёс он, – ты вроде бы собирался обеспечивать мою безопасность, нет? Так как же ты этого завсектором России до моей спины допустил?

Саша только покрутил головой.

– Сам не пойму, – признался он. – Вот только что никого не было... на секунду отвёл взгляд... а он уже тут как тут, и разговоры разговаривает... Затмение какое-то...

– А может, призрак? – серьёзно спросил Колесников.

– Да какой призрак среди бела дня? И потом, когда я его от Сергея отодвигал, случайно руки коснулся. Обычная рука, только холодная...

Без Лаврентьева объясняться с хозяином лавки было трудновато, но перешли на ломаный английский – и разобрались. Колесников купил пёстрый тибетский коврик из козьей шерсти, Саша бронзовую статуэтку Ганеши, а Сергей, поколебавшись, – непальскую бирюзу. Крупные голубые камушки, действительно, были чертовски красивы, и Сергей представил, как обрадуется им Алёна...

Лаврентьев вернулся в отель довольно скоро, и вид у него был озадаченный.

– Ну, ребята, – произнёс он, бросаясь в кресло, – с вами свяжешься, так на старости лет мистиком станешь... Иду я на некотором расстоянии за индусом. Он не спешит, и мне некуда. Сворачивает за угол, и я через несколько секунд за ним. Только никакого индуса уже нет, а впереди неторопливо шлёпает какой-то местный пролетарий...

– В смысле?

– Ну, переносчик тяжестей с корзинами за плечами. Невысокий такой, плотный, вроде нашего Олега – словом, полная противоположность этому турдеятелю. И больше никого. Главное, деться-то ему с улицы было некуда, разве что провалиться под землю или уж в небо воспарить... Я не поленился, догнал переносчика, заглянул в лицо. Ничего похожего, какой-то монголоид. Чего, спрашивает, угодно сагибу. Да вот, отвечаю, ищу дорогу в старый город, не подскажешь ли. А это, говорит, два квартала прямо, а потом направо... Что, между прочим, не соответствует, уж я-то Катманду знаю вдоль и поперёк. Хотя парень с виду местный. В общем, что хочешь, то и думай...

Сеньшин сильно потёр лоб.

– Не понимаю, – сказал он. – Логика не вижу. Ну, заминировали номер, так в этом есть смысл, попытка сорвать экспедицию. А эти ребята – что земляк из ресторана, что индус из турфирмы... Они-то чего рядом тёрлись? Агрессии никакой, просто решили поболтать – зачем? Что такого особенного хотели сказать? Дима, ты вот что... Вспомни-ка, о чём говорил пьянчуга, пока ты выводил его из ресторана?

Лаврентьев пожал плечами.

– Нёс какую-то слезливую ахинею. Дескать, жена горячо любимая у него трагически погибла. Убили её. Похоронил и рванул на край света – горе заливать... Ерунда это всё. В простой забегаловке ещё и не такое расскажут.

– Может, конечно, ерунда, – медленно произнёс Валерий Павлович.

Он бросил взгляд на Сергея, и лицо у него напряглось, точно он сам испугался мелькнувшей мысли.

А внешне спокойный Авилов похолодел. Почему всё напоминает об Алёне? «Купите непальскую бирюзу, ваша супруга будет в восторге...». «Горячо любимая жена трагически погибла – убили»... Треснувшее стекло рамки с фотографией Алёны... Какой-то невнятный шелест, таящий угрозу. Как будто кто-то методично даёт понять, что самое дорогое в опасности... Или чушь собачья? Просто богатое писательское воображение делает из мухи слона, принимает случайное за злонамеренное. И это очень плохо, ведь вместо того, чтобы холодно думать о послезавтрашнем спуске в логово Кукловода и просчитывать варианты, он переживает, волнуется, дёргается... Или неизвестный кто-то ровно этого и добивается?

Сергей невольно сжал голову руками. Его блуждающий взгляд встретился с глазами Сеньшина. А ведь умница Валерий Павлович, похоже, думает о том же...

– Командир, имею сказать пару слов, – Сеньшин поднялся и кивнул в сторону выхода. – Пойдём, пошепчемся.

– Больше двух – говорят вслух, – возмутился Аликов.

- Ты подави в себе октябрятские пережитки, - посоветовал Сеньшин, открывая дверь.

Они с Сергеем вышли в безлюдный холл.

- Ты всё понял? - без обиняков спросил Сеньшин.

Сергей кивнул.

- Похоже, меня прессуют.

- Да, психологически.

- Слушай, а может, ничего нет? Может, мы под каждым кустом ждём подвохов, ну и мерещится чёрт-те что? Кто-то что-то сказал, и я уже паникую...

- Серёжа, не будь страусом. Эти двое появились и исчезли при странных обстоятельствах. Стекло на фотографии никто не бил - само треснуло. Так бывает? Это явный грубый намёк на то, что без тебя Алёна в опасности. Намекают с одной-единственной целью - вышибить тебя из седла. Неужели не ясно? Это агенты Кукловода. Или один агент, но в разных лицах.

Последняя фраза Валерия Павловича неожиданно сработала в сознании Сергея, словно прожектор. Он сообразил, наконец, кого ему напомнил пьяный из ресторана.

- Хряков, - пробормотал Сергей. - Ну, конечно, Хряков, будь он проклят...

- Какой Хряков? Про которого ты рассказывал нам с Немировым?

- Он самый. Ему лицо поменять - раз плюнуть. Я-то видел...

- Значит, я прав. Звони жене, командир.

Сергей с изумлением посмотрел на Сеньшина.

– Зачем?

– Слушай, давай без риторических вопросов, а? Во-первых, убедиться, что она в порядке, и успокоиться. Во-вторых, на всякий пожарный предупредить, чтобы вела себя сверхосторожно, – нетерпеливо сказал Сеньшин.

Сергей покачал головой.

– Не могу. Мы условились с Брагиным, что никаких частных звонков не будет. Это боевая операция, неужели не ясно? Вся связь только через него, я же говорил.

Судя по выражению лица, интеллигентному Валерию Павловичу очень хотелось выругаться матом.

– Ты правильно сформулировал: тебя прессуют, – произнёс он после небольшой паузы. – Скажу больше: провоцируют. Провоцируют на страх, стресс, панику. И довольно успешно. За какие-то полчаса ты осунулся, будто пришёл с похорон. Твои нервные клетки горят синим пламенем, и я боюсь, что с ними сгорит и твоя сила...

Сергей с трудом улыбнулся.

– Ну, сила-то при мне, – сказал он, машинально щупая бицепс.

Сеньшин от души пнул безвинное кресло.

– ... твою мать! Ты ещё от пола отожмись! Ты что, меня за дурака держишь? – заорал он полушёпотом. – Я давно понял: ты не сам по себе. Тебя кто-то ведёт, кто-то направляет, кто-то вдохнул в тебя сверхспособности. Кто именно – не знаю, и знать не хочу. Зато я знаю: пока ты в таком состоянии, я с тобой ни в разведку, ни за скальпом Кукловода не пойду. И ребят не пущу. Проще у входа в пещеру коллективно застрелиться! Приди в себя, Серёжа. Перестань дёргаться. Для этого нужно только одно – услышать Алёну и убедиться, что она жива-здорова. Хрен с ним, с Брагиным и его запретом. Звони, а то я сам позвоню!

Сеньшин горячился так, что Сергей невольно (и так невовремя) ощутил болезненный укол ревности. Казалось ему, хоть убей, что настойчивость Валерия Павловича могла иметь иные мотивы, кроме заботы об экспедиции и её командире. И хотя Сергей давно запретил себе думать, как и с кем текли Алёнины годы между разводом и новой встречей, уму и особенно сердцу приказать было трудно... Однако теперь Сеньшин прав. Кой чёрт исполнять букву распоряжения, если под угрозой операция в целом?

Сергей действительно ощущал, как тревога буквально сжигает его, сила улетучивается. Всегда хладнокровно встречая опасность, он вдруг запаниковал при мысли, что с любимой и такой далёкой сейчас женщиной может случиться беда... Сергей тряхнул головой и достал мобильник. «Прости, Аркадий Витальевич», – повинулся он про себя, нетерпеливо набирая заветный номер.

Алёна, как в сказке, отозвалась мгновенно, словно чувствовала состояние Сергея.

Сеньшин деликатно удалился в конец коридора и топтался в нетерпении, пока не увидел, что Сергей прячет трубку в карман.

– Ну что? – спросил Валерий Павлович, быстро вернувшись на исходную позицию.

Короткого разговора с женой оказалось достаточно, чтобы Сеньшин увидел в глазах командира прежний блеск.

– Всё хорошо, – сказал Сергей, хмурясь от радости и облегчения. – На работе и дома порядок. В Москве дожди. Подругу вот вечером в гости пригласила, – почему-то добавил он.

Сергей чувствовал такой прилив бодрости, что готов был идти на Кукловода с голыми руками – и прямо сейчас.

Ночью, во время своей вахты по номеру, Сергей курил на лоджии, привычно скрывая огонёк сигареты ладонью. Мысли его были спокойны и неторопливы. Он снова и снова пытался представить, как выглядит Кукловод. Похож ли он на человека? Или на животное? Или это вовсе некое виртуальное чудовище? В какой оболочке может заключаться сверхъестественное могущество? Это предстояло выяснить совсем скоро – часов через тридцать пять-сорок. Если всё,

конечно, сложится должным образом. Сергей глубоко верил в успех экспедиции, потому что... да потому что другого варианта просто не должно быть. Как ни пафосно звучит, на провал права нет...

Выстрела он не услышал. Просто что-то вдруг толкнуло в грудь так резко и сильно, что Сергей с трудом устоял на ногах. В тот же миг с лёгким металлическим звоном на пол упал какой-то мелкий предмет. Ещё ничего не понимая, Сергей поднял его и поднёс к глазам. Это была пуля. Крупнокалиберная винтовочная пуля, сплюснутая ударом о какое-то препятствие.

Стреляли, конечно, из парка. Киллер с прибором ночного видения забрался на дерево и терпеливо ждал, пока Сергей выйдет на лоджию или мелькнёт в окне. И быть бы сейчас Авилову остывающим трупом, если бы не... А собственно, почему он ещё жив и даже не ранен? Что остановило пулю в сантиметре от сердца?

- Покровитель... - выдохнул Сергей.

Другого ответа не существовало. Невидимая и неосязаемая броня, спасшая Сергея от выстрела, могла иметь лишь одно происхождение. И, значит, Авилову не просто даны экстравозможности - его к тому же тщательно берегут. В титанической борьбе Покровителя с Кукловодом ему действительно отведена важная роль. Нанести последний удар - что может быть важнее?

Но как бы его ни страховали, рисковать лишний раз не стоило. Пригнувшись, Сергей проскользнул с лоджии в тёплый полумрак комнаты, оживляемый Шашиним похрапыванием, и тщательно зашторил окно. Бодрая такая получается командировка, насыщенная: вчера взрывчатка, сегодня пуля, а что же дальше? Подумать только, всего несколько недель назад он спокойно работал в редакции, на домашнем столе была разложена едва начатая рукопись книги о Лозовском, а Поль настойчиво требовал заботы, ласки и корма. Угораздило же на заре двадцать первого века влипнуть в оккультную войну...

О новом покушении Сергей решил умолчать. Не хотелось лишний раз будоражить и без того напряжённых ребят. Рассказывать о магической броне вообще ни к чему.

На следующий день Лаврентьев приехал в гостиницу на зафрахтованном «лендровере».

– Тот ещё зверь, – хвастался он, поглаживая внедорожник по тёмно-зелёной дверце. – Влезем без напряжения, и ещё хватит места для амуниции. Проходимость вообще феноменальная.

Забравшись на переднее сиденье, Саша с детским восторгом огляделся.

– Порулить дашь? – с надеждой спросил он.

Лаврентьев развёл руками.

– Это как себя вести будешь...

– Ну, тогда хоть за рулём сфотографируй, – вздохнул Саша. – Я этот снимок своему Варенцову покажу. Может, кондрашка хватит...

Покатавшись по городу, долго спорили, где обедать. Национальных ресторанов здесь было пруд пруди – на любой вкус. Аликов требовал французской кухни, шампанского и омаров с трюфелями. Макеев, чьи запросы были попроще, предлагал итальянскую пиццерию. Сеньшин звал в немецкий ресторан («Знаете ли вы, господа, что такое настоящий айсбайн с тёмным баварским? Нет, вы не знаете, что это такое!»). Сергею с Колесниковым было всё равно. В итоге Лаврентьев привёз команду в заведение с вывеской «Русский трактиръ «Ёлки-палки», где им подали сногшибательный борщ, замечательные блины с икрой, и нежнейшую телятину по-монастырски. «Вот сижу я, простой российский мент, я извиняюсь, в Катманду, в русском ресторане, и душа просит сто граммов», – заныл Саша, поглядывая на командира. «Не мелочись, – посоветовал Лаврентьев. – Квас тут отменный, с хреном, бери сразу пол-литра».

После обеда поехали в посольство – трёхэтажный особняк в центре города, с российским флагом на фасаде. Поднялись в кабинет Лаврентьева, где в углу аккуратно лежали упаковки с оружием и амуницией. Часа полтора ушло на разбор боевого хозяйства, а Сеньшин прочёл дополнительную лекцию о правилах обращения с техникой и фармакологическими препаратами. Сергей сообщил, что принял решение изменить диспозицию: на подстраховке у входа в пещеру остаётся не только Лаврентьев, как планировалось, но и Валерий

Павлович.

- Не понял, - хмуро сказал Сеньшин. - Это что, недоверие?

- С точностью до наоборот. Если по истечении контрольного времени мы не вернёмся, нас придётся вытаскивать. Может, и в прямом смысле. Один Лаврентьев никак не справится. Двое - должны. При самом плохом раскладе - вы наш последний шанс.

- А почему второй именно я?

- Вопрос целесообразности. Ты в хорошей форме, но нет боевой подготовки. У нас она есть, мы-то офицеры. На что обижаться?

- Да не в обиде же дело! Пойми, я должен сам увидеть Кукловода. Понять, кто или что это такое. Если хочешь, в глаза посмотреть... Я же учёный, чёрт возьми!

- Не путай военный поход с научной экспедицией, - сурово сказал Сергей. - Мы ещё в Москве говорили: никаких исследований, операция на уничтожение. Что изменилось? В общем, приказы не обсуждаются, Валерий Павлович, ясно?

Бледный от злости и разочарования, Сеньшин промолчал.

Вечером, после возвращения в отель, выяснилось, что желания идти в ресторан ни у кого нет. Лаврентьева, как аборигена, отправили заказывать ужин с доставкой в номер. «Посмотри по меню что-нибудь попроще, - сказал Сергей. - Наедаться не будем, завтра ехать ни свет ни заря». Получив заверение метрдотеля, что через полчаса всё будет готово, Лаврентьев поднялся наверх. В двух шагах от номера ожил мобильник. На дисплее высветилось «Номер абонента засекречен». Несколько секунд Лаврентьев с удовольствием слушал мелодичное верещание (квартет «Абба», композиция «Дансинг квин»), потом поднял трубку к уху:

- Слушаю вас.

- Дмитрий Викторович? Здравствуйте, - заговорил глуховатый голос. - Это Брагин. Как у вас обстановка?

Лаврентьев удивился. Заочно Брагина он, конечно, знал, но до этого помощник президента связывался только с Авиловым.

– У нас всё нормально, Аркадий Витальевич. К выезду готовы.

Брагин помолчал.

– А у нас чэпэ, – наконец произнёс он. – Страшное...

Через несколько секунд Лаврентьева бросило в жар. Брагин сообщил, что накануне убита жена Сергея Алёна Авилова. «Убийство, естественно, связано с вашей миссией, – говорил Брагин, покашливая. – Вы понимаете, это не что иное, как попытка сорвать экспедицию. Поэтому президент принял решение ничего не сообщать Сергею. Решение трудное, но теперь единственное возможное. Ваша задача – быть рядом с Авиловым и пресекать возможные попытки... ясно, чьи... подбросить ему эту информацию».

Лаврентьев мгновенно вспомнил ресторанный «земляк», и, сопоставив даты, чуть не сказал Брагину, что попытка имела место. Авансом.

– Выполняйте, Дмитрий Викторович, – закончил Брагин. – От вас чрезвычайно много зависит. Удачи!

– И вам не болеть, – машинально сказал Лаврентьев в умолкнувшую трубку.

Глубоко затягиваясь, он выкурил одну за другой две сигареты, прежде чем привёл мысли в порядок.

Приказ руководства – не мидовского, а настоящего – формулировался просто: Лаврентьев поступает в полное распоряжение Авилова, экспедицию которого должен организационно обеспечить, и вливается в команду. Пока Сергей вводил его в курс дела, Дмитрий не верил ушам: от этой истории за версту несло чёрной мистикой. Она выглядела настолько неправдоподобно, что Лаврентьев даже запросил подтверждение приказа – и немедленно получил. Что ж, приказ есть приказ, тем более что снаряжение экспедиции уже поступило, однако ощущение какой-то неправдоподобности не оставляло Дмитрия. Но когда номер Авилова чуть не взлетел на воздух, а взрыв не состоялся только благодаря

сверхъестественному чутью Сергея... нет, даже не чутью, а ясновидению... тогда Лаврентьев взглянул на ситуацию по-другому. И вот теперь... «Беда! Боже, скоты, нелюди, женщину-то за что...» Хотя понятно – за что. Увы, Брагин прав: рассказывать об этом пока нельзя, Сергей свихнётся...

Мысли прервало лёгкое звяканье. По коридору шагал парень в униформе отеля, толкая перед собой никелированную тележку с блюдами, тарелками и столовыми приборами. Вот и заказанный ужин.

– Сюда! – позвал Дмитрий.

Он сам не понял, что его толкнуло. Наверно, простое соображение: бережёного Бог бережёт.

– Давай тележку, – сказал он парню. – Я сам отвезу её в номер, заодно разыграю приятелей. Это тебе за труды.

Он протянул бою десятидолларовую бумажку – для непальца сумма немаленькая. Парень заколебался.

– Вообще-то, сэр, у нас так не принято, – промямлил он, глядя в сторону.

– Ерунда, – нетерпеливо сказал Лаврентьев. – Принято всё, за что платят. А тележку потом я выкачу в коридор. Ну, бери.

Парень покачал головой.

– Я сам доставлю ужин, как приказано, – тихо и упрямо произнёс он. – Разрешите проехать, сэр.

Лаврентьев разозлился. Где это видано, чтобы отель-бой перечил клиенту, да ещё отклонял щедрые чаевые? Дмитрий почувствовал, что в нём просыпаются неполиткорректные инстинкты белого человека.

– Ты ещё будешь спорить, обезьяна? – прошипел он. – Пошёл вон, или я вызову менеджера. Тебя вышибут из отеля!

С этими словами Лаврентьев рванул на себя тележку. От резкого движения столовые приборы жалобно зазвенели, с узорчатой салатницы упала крышка, и Лаврентьев с изумлением увидел, что в глубине миски вместо салата лежит сложенный лист бумаги. Лаврентьев живо схватил его. Надпись «Господину Авилову, лично» ударила по глазам, а короткий текст, написанный красными чернилами, бил наповал: «Уважаемый господин Авилов! Накануне в Москве убита Ваша жена. Выражаю самые искренние соболезнования. Ваш скорбящий друг. P. S. Поинтересуйтесь, почему от Вас скрывают эту трагическую информацию».

Лаврентьева, хорошего рукопашника, отличала высокоразвитая реакция, – только это и спасло. Непонятно, как парень оказался возле Дмитрия, и чуть не вцепился ему в горло. Увернувшись, Лаврентьев без размышлений мощно врезал в низ живота. Кем бы ни был противник, гениталии у него оказались, как у всех – чувствительные: он мучительно зарычал и согнулся в три погибели, хватаясь за промежность. Чётко и красиво, как в кино, Лаврентьев распрямил его ударом каблука в челюсть с разворота. Парень приложился затылком о стену, однако, против ожиданий, сознания и боеспособности не потерял – напротив, вновь очутился возле Лаврентьева, и всё-таки схватил за горло, багрово сверкая глазами.

Драку прервал посторонний шум, лёгкое звяканье. Из-за поворота коридора выехала тележка с тарелками, фужерами, и прочими предметами сервировки. Её катил низенький щуплый бой в гостиничной униформе. Оглядевшись, полузадушенный Лаврентьев ошалело покрутил головой: дежа-вю какое-то. Противник со своим никелированным катафалком словно испарился. Исчез в мгновение ока. Слово не было ни короткой ожесточённой схватки, ни записки с кроваво-красными строчками...

– Эй, парень, – позвал Дмитрий, приглаживая растрёпанные волосы слегка дрожащими руками.

– Что угодно, сэр?

– Это я заказывал ужин. Я сам доставлю его в номер. – Поймав удивлённый взгляд парня, пояснил: – Хочу разыграть приятелей. Возьми за труды и ступай.

Парень благоговейно принял десятидолларовую купюру.

– Как вам угодно, сэр. Благодарю вас. Пожалуйста, оставьте после ужина тележку в коридоре, я её заберу.

Прежде чем заехать в номер, Лаврентьев быстро осмотрел все блюда – на этот раз чисто.

– Тебя только за смертью посылать, – высказал Аликов, едва Лаврентьев показался на пороге.

– Мы уже начали беспокоиться, хотели идти вниз, – добавил Макеев.

Лаврентьев усмехнулся со всей возможной беззаботностью.

– Что со мной сделается? В ресторане встретил приятеля из местных художников. Пока готовили, мы с ним потрепались... Прощу к столу!

Он быстро сервировал ужин, и, пока все рассаживались, незаметно выдернул штекер из телефонной розетки. Им звонить некуда, а если кто-то вздумает позвонить в номер – милости просим...

Вечер накануне выезда получился на славу. Саша сыпал анекдотами («Барин, я постель постелила – идите угнетать...»). Макеев показывал фотографии дочек и рассказал, что трёхлетнюю Светку спросили, как её зовут, а этамыш в бантиках важно пропищала: «Светлана Макеева Олеговна». Колесников, рискуя потерять репутацию честного человека, живописал свои рыбацкие трофеи. Даже Сеньшин, дувшийся на Сергея, оттаял, и как дважды два доказал, что параллельные пространства с хронодвигами – объективная, хотя и нечувствительная реальность. («Вам, солипсистам, этого не понять!» – высокомерно закончил он. «За солипсиста ответишь», – пообещал Аликов). Лишь Лаврентьев был задумчив, порой говорил невпопад, но мало ли какие проблемы у человека...Глядя на людей, которые знакомы считанные дни, но так здорово, по-дружески общаются, Сергей радовался. Насколько быстро их спаяла экспедиция! При всех человеческих и профессиональных различиях члены команды приняли друг друга, и это казалось Авилову добрым предзнаменованием.

Условились, что завтра Лаврентьев приедет в половине седьмого утра, а сегодня вечером ему предстояло подготовить и загрузить машину.

Выходя из отеля, Дмитрий предупредил портье, что постояльцы номеров триста семнадцать и триста восемнадцать легли отдыхать пораньше и просят не беспокоить их ни под каким видом.

Саше Аликову на прощание он приватно передал пистолет с глушителем: «Пули разрывные, слона свалят... И если что, звони в любое время, подкачу мигом, понял?»

Ночь, однако, обошлась без сюрпризов.

Наутро, когда, быстро собравшись и позавтракав, уже садились в «лендровер», позвонил Брагин. Сергей доложил о полной боевой готовности, и с замирающим сердцем поинтересовался, как дела в Москве, дома.

– Всё в порядке, – сказал Брагин. – Всё в полном порядке.

– Что у вас с голосом? – удивился Авилов.

– С голосом... А что с голосом? Простыл немного, горло болит, – устало сказал Брагин. – Да и запарка у нас, прилетел Фош. Однако Игорь Васильевич помнит об экспедиции и желает успеха. Я, само собой, тоже. Удачи, ребята!

И Брагин отключил мобильник, прежде чем Сергей успел что-либо сказать.

– Нервничает Витальич, – заметил он, устраиваясь рядом с Лаврентьевым. – Да ещё американец этот невовремя. Подумать только: президент США летит с визитом, а я, сотрудник федеральной газеты, про это начисто забыл!

– Позор, – охотно согласился Аликов. – Какой ты после этого журналист с большой буквы «Ж»? Так, охотник за привидениями...

– Ему можно, – заступился Колесников. – Он же не Бунеев.

За разговорами джип выбрался из города, и, набирая скорость, помчался в горы.

... Взглянув на часы, Сергей сказал:

– Пора. Слушай мою команду. Выступаем в таком порядке: я, Аликов, Макеев, Колесников. Интервал полтора-два метра, друг друга страхуем. – Он повернул к Сеньшину с Лаврентьевым. – Контрольная продолжительность вылазки – десять часов. Если спустя десять часов мы не вернёмся, ваша очередь. Задача-минимум – вытащить нас, а максимум... по ситуации. Старший Лаврентьев. – Ещё раз пытливо оглядев команду, добавил: – С Богом!

Четверо бойцов во главе с командиром ступили в пролом.

Если у Сергея и были сомнения, правильно ли найдено место спуска, они мгновенно рассеялись. С первых шагов четвёрку окатила густая, липкая волна страха и предчувствие беды.

Ни премьер-министр Великобритании, ни президент Франции, ни канцлер Германии не вызывали в Бунееве таких эмоций, как президент США Джеральд Фох.

В премьер-министре сквозила мужественность, свойственная истинному британцу. Французского президента отличал быстрый ум, склонность к гурманству и тонкий юмор. Канцлер Германии был по-немецки точен, основателен и надёжен, как продукция фирмы «Сименс». С каждым из них Бунеев общался не раз, встречи всегда сопровождались спорами, порой жаркими, в ходе которых так непросто рождались компромиссы, основа дипломатии. Но эти лидеры вызывали у Бунеева человеческую симпатию – каждый на свой лад. А вот по отношению к президенту Фошу доминирующим чувством было раздражение.

Фох искренне верил в мессианскую роль Соединённых Штатов, и себя, как лидера сверхдержавы, считал мессией в квадрате. Он не говорил, а изрекал, не советовал, а поучал; выступления Фохы сильно смахивали на проповеди. Редкостный зануда, он к тому же был чрезвычайно религиозен, и порой казался обычным квакером, волей судьбы попавшим в Белый дом. Нос-клюв, маленькие, близко посаженные глазки, и маниакальная любовь Фохы к карликовому французскому бульдогу Тиму, сопровождавшему хозяина по всему миру, служили неиссякаемым источником вдохновения для американских карикатуристов.

Однако воля у президента США была железная. Правда, не от большого ума. Он всегда был готов переть напролом – просто не умел просчитывать варианты и прогнозировать последствия своих решений. Неразумная налоговая политика привела к астрономическому дефициту бюджета. Борьба с терроризмом вызвала ещё больший всплеск терроризма: в тех странах, куда вламывались американские командос, стрельба и взрывы начинали греметь с утроенной силой. За права человека во всём мире он был готов бороться до последнего хомо сапиенс, а демократию мечтал насадить на земном шаре, словно картошку. Вот такой боевой президент рулил Америкой, и, судя по уверенному переизбранию на второй срок, штатовцам Фош нравился. Что, по мнению многих политологов, само по себе характеризовало американское общество.

Во Внуково Фоша с супругой, свитой и французиком Тимом встречал премьер Киреев. Когда подполз трап, дверь самолёта отъехала в сторону, и в проёме возникла известная всему миру длинная, худощавая фигура, Киреев вздохнул с непротокольной тяжестью. Предстояло три мерзких дня. Фош прилетел атаковать и требовать. Ему были нужны военные базы на территории закавказских и среднеазиатских республик бывшего Союза. Он хотел, чтобы Россия свернула помощь Ирану и Индии в строительстве АЭС. Его не устраивала жёсткая борьба с чеченскими террористами, добрососедские отношения с Северной Кореей и кое-что другое. Всё это он намеревался высказать Бунееву. И ведь не оборвёшь, не скажешь: «Какое твоё собачье дело?» А так хочется.... Подавив вздох, Киреев сложил губы в дежурную улыбку и зашагал навстречу гостям.

– Как поживаете, мистер Киреев? – оживлённо заговорил Фош, трясая руку премьера. – Как поживают мои друзья Игорь и Лариса?

– Всё хорошо, господин президент, – ответил Киреев, вежливо пожимая узкую ладошку и улыбаясь жене Фоша. – Добро пожаловать в Россию. Президент Бунеев и его супруга передают привет, они ждут вас в резиденции.

Высокая чета благосклонно выслушала перевод. Внешне Патриция Фош была полной противоположностью мужу – маленькая, и в теле, но занудством ничуть не уступала. Если Бунеева ждали трудные переговоры, то Бунееву – скучнейшая обязанность сопровождать американскую гостью с её трескотнёй на семейно-бытовые темы.

Игорь Васильевич вместе с Ларисой Борисовной встречали американцев у ворот своей подмосковной резиденции. Поблизости держались сотрудники администрации. Поодаль сгрудился табунчик журналистов. Осень выкрасила листву желтизной и багрянцем, чистейшим воздухом нельзя было надышаться, неяркое октябрьское солнце дарило предпоследнее тепло, и так не хотелось думать о страшной смерти Алёны Авиловой. Гибель женщины глубоко потрясла Бунеева. Он не мог сосредоточиться на визите Фоша. Душу раздирала печаль и ощущение какой-то вины, перед глазами стояло красивое безжизненное лицо, запечатлённое фотокамерой эксперта-криминалиста.

Из всех сопровождавших один лишь Брагин понимал состояние президента. Он с ужасом думал о том, какая сейчас в голове Бунеева дикая мешанина из мыслей об экспедиции, Кукловоде, Фоше... Аркадий Витальевич с восхищением и невольной завистью наблюдал, как непринуждённо держится президент, как общается с окружающими, ничем не выдавая душевной тревоги. Посмотреть со стороны, всё хорошо, даже замечательно, одна проблема и есть: дождаться друга Джеральда. Что ни говори, а разведка, знаете ли, школа...

Задумавшись, Брагин пропустил момент, когда кавалькада чёрных «Мерседесов» въехала на территорию резиденции. Из третьей машины медленно выбрался Фош. Он застегнул пиджак, подождал, пока к нему присоединится жена, и решительно направился к Бунееву, который, в свою очередь, шёл к американцу. Журналисты хищно окружили президентов. Последовала обычная в таких случаях суэта: улыбки, рукопожатия, «How do you do», жужжание видеокамер и щёлканье фотозатворов. Начало встречи с любым лидером складывалось примерно одинаково, уж Брагин-то этой рутины насмотрелся. Но если раньше, сопровождая Мельникова, он до боли в сердце боялся, что старик вот-вот ляпнет невпопад или отчебучит непротокольное, то за Бунеева можно было не опасаться.

Фош интимно склонился к российскому коллеге, который был на полголовы ниже.

– Игорь, у меня для вас хорошая новость, – торжественно сказал он. – Я не буду терзать вас разговорами о Чечне.

Помолчав, назидательно поднял палец и добавил:

– Сегодня.

После чего первый засмеялся собственной шутке.

– Спасибо, Джеральд, – откликнулся Бунеев, приветливо улыбаясь. – Вы настоящий друг. Я тоже думаю, что серьёзные темы лучше отложить на завтра: Чечню, Ирак, Афганистан...

Губы Фоша оставались растянутыми, но в глазах мелькнул злой огонёк. Бунеев легко и непринуждённо придавил больную мозоль: потери Штатов в антитеррористических операциях расценивались как личный позор президента Америки. Фош сделал в памяти зарубку, и пообещал себе, что на переговорах он это Бунееву припомнит.

– Джеральд, Патриция, пойдёмте, я покажу ваши апартаменты, – зашебетала Лариса Борисовна, разряжая обстановку. – Отдохнёте немного, а там и ужин.

Госпожа Фош закивала, поглаживая сидящего у неё на руках Тима. Да-да, отдых, ужин и лёгкая светская беседа у камина. Успеют ещё переругаться. Увы, все мужчины такие забияки.

Среди бесчисленных государственных учреждений и ведомств есть структура со скромным и невыразительным названием – Управление делами президента. Это управление обеспечивает быт первого лица государства.

Видя по телевизору президента, который выступает в Госдуме, отчитывает министров или общается с народом, как-то не задумываешься, что президент, этот небожитель, вознесённый на кремлёвский трон голосами избирателей – тоже человек. Как и всем, ему надо есть, пить, одеваться, ездить, отдыхать. А значит, кто-то должен его обслуживать: шить, готовить, стирать, сидеть за рулём его машины, строить и ремонтировать резиденции, лечить. Речь не только о президенте, разумеется, есть ещё аппарат, правительство, парламент... На балансе управления делами числятся собственные ателье, кулинарные цеха, больницы и поликлиники, ремонтно-строительные организации, транспортные и сельскохозяйственные предприятия, издательства и типографии, санатории и дома отдыха и многое, многое другое, общей стоимостью, исчисляемой миллиардами долларов. Огромным хозяйством руководит управляющий делами

в ранге федерального министра, под чьим началом по всей стране трудятся десятки тысяч сотрудников – от докторов наук до официантов.

Валя Слепнёва и была официанткой. Работала она виртуозно, брала первые, в крайнем случае, призовые места на российских и зарубежных конкурсах, и два серьёзных столичных ресторана чуть не передрались, выясняя, в чьём заведении будет обслуживать посетителей эта симпатичная хрупкая тридцатилетняя блондинка. После победы на очередном конкурсе, Валя дала интервью «Правде по-комсомольски»; в управлении делами материал прочли, и решили, что такие кадры нужны. Получив предложение, от которого не смогла отказаться, Валентина Слепнёва перешла на государственную службу.

Жизнь её круто изменилась. Что она видела раньше, кроме своего «Чревоугодника», одного из многих фешенебельных ресторанов? Нетрезвые клиенты, полуночный разгул, выпендрёж тусовки да степенный метрдотель Борис Алексеевич с постоянными намёками и предложениями, за которые впору съездить по голове подносом... Рутину кабацких будней скрашивали только чаевые, на которые подгулявший бомонд не скупился.

Перейдя в управление делами, Валя в деньгах проиграла. Зарплата стала выше, но чаевых от нового контингента, естественно, ждать не приходилось. Однако Валя была довольна, почти счастлива. Первое время она работала в кремлёвской столовой, где питался главным образом аппарат, чиновники. Когда же испытательный срок был с блеском выдержан, ей доверили обслуживать высший эшелон во главе с президентом. Причём не только в Кремле, но и в государственных резиденциях – всюду, где Мельников, а потом и Бунеев, принимали гостей или устраивали приёмы. С группой сопровождения приходилось летать по стране, порой и за границу. Валина самооценка сильно возросла. Сервируя стол, за который садились первые лица, Валентина в какой-то степени чувствовала себя государственным человеком. А почему бы и нет? В конце концов, из её рук, можно сказать, ел сам президент... Кстати, он как-то похвалил Валу за отличную работу и распорядился премировать её. Ради таких моментов (а вовсе не ради премии!) Валя готова была терпеть всё: и режимные сложности, и ненормированный рабочий день, и командировки, и скандалы мужа, который бешено ревновал её к членам правительства, а пуще всего – к Бунееву.

В этот вечер Слепнёву отпустили пораньше. Завтра предстояла большая работа: Бунеев устраивал официальный приём в честь американского президента.

Начальница группы официантов Пермякова предупредила Валю, что обслуживать лидеров будет она. Валя немного разволновалась. Дело не в задании (что она, президентов не видела?), а в том, что лучше и легче работалось, когда человек ей был по душе. Фош Вале не нравился. Во-первых, политику США она не поддерживала. Во-вторых, Фош прилетел клевать печень российскому президенту, а Бунеева она уважала и даже любила – платонически, разумеется.

Неподалёку от станции метро рядом с Валею притормозил древний «жигуль». Дед в потёртой кожаной куртке, сидевший за рулём, был под стать машине, – только что песок не сыпался.

– Дочка, а дочка, – окликнул он Валю дребезжащим тенором, опустив боковое стекло. – Не подскажешь, как в Тёплый Стан проехать? Не местный я, Москву знаю плохо.

– Вижу, что не местный, – откликнулась Валя, успевшая заметить рязанские номера. – А какая там улица?

Дед протянул ей бумажку с адресом, записанным крупными кривыми буквами.

– Ну надо же! – удивилась Валя, прочитав адрес. – Можно сказать, ко мне в гости собрались. Улица та же, и дом недалеко от моего.

Дед явно обрадовался.

– Дочка, – просительно задрезжал он, – может, я тебя подвезу? А ты мне заодно покажешь, куда чего. Вот и квиты. Темень уже, сколько же мне колесить...

Теперь уже обрадовалась Валя. При мысли, что не надо душиться в переполненном метро, старик показался ей симпатичным, а «жигуль» не таким уж древним.

– Вот и договорились, – сказала она со смехом, садясь рядом с дедом.

– Куда ехать-то, дочка?

- Пока - прямо.

... Спустя два часа «жигуль» с рязанскими номерами остановился за квартал от дома Слепнёвой. За рулём сидела Валентина. Больше в машине никого не было.

Женщина включила подсветку и внимательно посмотрела на себя в зеркало заднего обзора. В тусклом свете отразилось молодое красивое лицо, которое, однако, портило странное выражение: насупленные брови, плотно сжатые губы... Валентина попыталась расслабиться и улыбнулась. Получилось ещё хуже.

- Ну и чёрт с ним! - сказала она.

С этими словами женщина вышла из машины, хлопнула дверцей, и, не запирая «жигуль», направилась к своему дому твёрдым, размеренным шагом.

3

Рукопись

(продолжение)

На протяжении двух следующих столетий Агасфер совершенствовал и оттачивал своё мастерство.

Мгновенно переносясь на большие расстояния, он побывал, должно быть, во всех уголках земли - от самых жарких, всё ещё памятных ему, до самых холодных. Читал мысли людей, которые находились и рядом, и очень далеко. Ворочал взглядом неподъёмные камни. Забавы ради время от времени спал, повиснув в воздухе.

С особым увлечением, пьянея от собственного могущества, он переселялся из тела в тело. Просто так, пока что без особой цели. То он захватывал плоть богатого купца и за день раздавал нищим золото, которое копилось всю жизнь. То, переселившись в шерифа, приказывал открыть двери тюрьмы и отпускал на свободу убийц, воров, грабителей. Или, наконец, подкараулив свадебную

процессию и завладев телом жениха, всю брачную ночь изощрённо ласкал невесту...

Путешествуя из оболочки в оболочку, Агасфер ещё не решался покидать собственное тело надолго. Первое, что он делал, зайдя в новую плоть, – заботился о старой: устраивал своё бесчувственное тело в укромном уголке, поудобнее. Оно жило, еле заметно дышало, но было в полном беспомоществе и ни на что не реагировало.

Во время переселений Агасфер установил несколько закономерностей. Прежде всего, чтобы овладеть телом, «притереться» к нему, требовалось пять или десять минут, в течение которых всё плыло перед глазами, накатывала дурнота, и со стороны казалось, что человека поразила приступ какой-то болезни. Очевидно, такова была реакция организма на чужое вторжение. Потом всё приходило в норму, не считая каких-то провалов в новой памяти – впрочем, не слишком существенных. Тут Агасфер ничего не мог поделать. Вытесняя душу из человека, он вместе с тем неминуемо вытеснял и какие-то островки знаний о его прежней жизни.

Далее, Агасфер установил, что войти в другое тело он может, лишь если находится от него не далее чем в пятидесяти шагах. Если расстояние было больше, он переставал улавливать биение чужой души и не мог притянуть её к себе.

И, наконец, самое главное. Его бессмертие и неуязвимость распространялись на каждое тело, в которое вторгался Агасфер. Втайне он рассчитывал на обратное, и, совершив первое переселение (помнится, это был какой-то горожанин из бедных), сразу же перерезал себе (ему) вены. Рана затянулась прежде, чем перестала болеть рука...

Итак, Агасфер был практически всемогущ. Он без труда мог повторить все чудеса, которые совершил Иисус до своего вознесения. Исцелять больных, воскрешать мёртвых, превращать воду в вино, идти по воде, аки по суку... Какое-то время Агасфер всерьёз размышлял о том, чтобы, выбрав внешне подходящее тело, симитировать новое пришествие Христа и под видом Распятого проповедовать что-нибудь сатанинское, подрывая основы христианства. Лучшей оплеухи для Иисуса трудно было и представить!

Но от этого плана пришлось отказаться. Всесторонне проиграв ситуацию в голове, Агасфер пришёл к выводу, что противостояние с такой махиной, как церковь, не под силу даже ему. Зачем церкви новый Иисус? Она жила хорошо и при старом. Понятно, что Агасфера не пугала темница – он из неё вышел бы; не страшили пытки или костёр – палач к нему и приблизиться не успел бы... Но церковь настроит против него людей, за ним никто (ну, или почти никто) не пойдёт – а тогда чего ради всё это затевать?

Конечно, был вариант (и Агасфер долго его обдумывал) возглавить церковь. Просто вселиться в тело римского папы и от его лица шаг за шагом разваливать христианскую веру. Но и этот вариант ничего не давал. Мысленно пошарив в пластах человеческой истории, Агасфер наткнулся на период папства Иоанна XII. Святых среди первосвященников, можно сказать, никогда не наблюдалось, но это был и вовсе антисвятой. Он пил, богохульствовал, устраивал оргии, мужеложествовал, наконец, открыто славил сатану. Дошло до того, что император Оттон I, между прочим, обязанный своей короной Иоанну, не выдержал и низложил погрязшего во грехе папу... Правда, тиару тот себе через некоторое время вернул, но дело-то было в другом. Папа мог сколько угодно развратничать и богохульствовать – это происходило келейно, с участием ограниченного круга людей. Остальной мир жил прежней жизнью, и ему, в общем, было плевать, кто занимает римский престол – грешник или праведник...

Нет, приобретённую в тяжких трудах магическую силу требовалось направить в иное русло, обещавшее пусть не быструю, но мощную, гораздо более масштабную отдачу. И к началу тринадцатого века от рождества Христова Агасфер окончательно выработал план, с помощью которого рассчитывал дать решительный бой Распятому.

Ему была нужна страна. Богатая обширная страна с многочисленным народом. Эти люди, эти земли должны были стать камнями, из которых Агасфер выстроил бы свою месть. Страну надо было захватить, подмять под себя и шаг за шагом превратить её территорию в источник неиссякаемой смуты, в постоянный нарыв, угрожающий всему живому на земле. В отдалённой перспективе, через столетия, эта страна должна была взорвать весь мир... если, конечно, вечный враг Агасфера не спохватится и не прервёт, наконец, его путь.

А ещё Агасфер хотел посеять на этой обширной территории горе и нищету. Пусть уделом живущих там людей станет непосильный труд, пусть дети их будут плакать от голода, и пусть Христос услышит в своих небесах их

заунывные песни. Как же он ужаснётся, когда осознает, что первопричина этих бедствий – он сам...

– Аминь, – произнёс Агасфер, тихо смеясь.

Как захватить власть в стране? Вселиться в тело её правителя, и под его личиной диктовать свою волю.

Как превратить эту землю в бомбу с тлеющим фитилём для всего мира? Сделать её население армией, которая постоянно угрожает соседним, а впоследствии и дальним странам.

Как довести её людей до состояния нерассуждающих двуногих скотов? Ну, это просто. Надо лишь силой или по установленному им же закону отнимать у них всё сверх необходимого для существования впроголодь.

Оставалось только выбрать страну.

Агасфера давно уже привлекали Китай и Русь. Он узнал их, странствуя по свету в поисках наставников-магов. Для целей Агасфера подходили обе, во всяком случае, гораздо больше, чем какая-нибудь Англия или Франция. Агасфер долго колебался и стократно обдумывал все доводы за и против каждой страны. В итоге он выбрал Русь. Её географическое расположение – стык Европы и Азии – с точки зрения планов Агасфера было предпочтительнее. И, конечно, открытые, добрые, в чём-то простодушные славяне казались более подходящим человеческим материалом, чем жители Поднебесной: те запомнились Агасферу скрытностью и показным смирением, но за ними сжатой пружиной таились хитрость, коварство, упрямство.

Русь была невероятно богата. Бескрайние леса буквально кишели зверьём и птицей, реки, озёра и пруды изобиловали рыбой, пашни радовали своим плодородием. Уже в девятом веке могучая Русская держава простиралась от Чёрного до Балтийского морей. Византийцы не зря считали славян храбрыми, свободолюбивыми, не признающими рабства людьми. В какой-то мере это смущало Агасфера; слепому филину было ясно, что таких укрощать придётся долго и тяжело. Но спешить было некуда; он знал, что любая цель достижима, – надо только разложить путь к ней на шаги. В Индии он пристрастился к игре, которую называли шахматами, поэтому теперь он выстраивал в голове

многоходовую комбинацию, только разыгрывать её предстояло не на доске с чёрно-белыми квадратиками, а в пространстве и времени.

В качестве первого хода было необходимо сломать независимость и свободолюбие славян.

Человеческая молва летит быстрее птицы, и однажды из забайкальских степей разнеслась весть: монгольские племена, объединившись на всеобщем съезде у реки Амур, выбрали себе великого хана, которого нарекли Чингисханом.

О нём рассказывали, что его настоящее имя – Темучин, что со своей матерью, вдовой хана Багадура, он долго скрывался от врагов отца в лесах и степях, питаясь лишь дичью и кореньями. Испытания закалили его, сделали сердце каменным, а волю крепче железа. Темучин доказал это, когда сумел победить мятежников, причём вражьи вожди по его приказу сварили заживо в больших медных котлах... Теперь пророки предрекают ему власть над миром, а войско поклялось вместе с ним завоевать всю землю.

Эти слухи, доходившие до русских княжеств, становились год от года всё тревожнее. Вот Чингисхан разгромил китайцев и въехал в столицу Поднебесной Пекин... вот его орды ворвались в прославленные города Хиву и Бухару... вот ему покорились гордые племена, обитавшие в предгорьях Кавказа... На очереди была Русь. В её пределы рвалась конная саранча.

Первый натиск монголов приняли кочевники-половцы. Не ввязываясь в заведомо неравный бой, они откатились назад, а послы их кинулись за помощью к исконным недругам – русским князьям. Известно, беда сближает. Что толку радоваться горю врага, если завтра оно станет и твоим? Союзное войско русских и половцев встало против монгольской орды в степи у реки Калки.

Чёрным уродился этот день для Руси. Хорошо бой начался, да плохо закончился. Передовой отряд монголов русские разбили, но главные силы Чингисхана были неисчислимы. Не выдержав страшного удара, половцы побежали назад, и побежали так, что смяли ряды русских воинов. И хотя битва длилась ещё два дня, исход её был уже предрешён. Русских разбили наголову, от войска осталась, дай Бог, десятая часть. Правда, монгольская армия тоже была изрядно потрепана, так что победителям пришлось повернуть назад и уйти в свои степи.

Но перед этим они вдоволь отметили победу – сложили тела убитых и раненых русских воинов, сделали поверх настил и долго пировали на телах побеждённых...

Чингисхан был доволен: репетиция вторжения и захвата Руси прошла в целом неплохо. Точнее, доволен был Агасфер, вселившийся в тело тогда ещё Темучина двадцать лет назад. Со своей оболочкой Агасфер тогда же расстался навсегда. Вечный странник похоронил себя собственноручно. Прежде чем завернуть свою плоть в материю и опустить в могилу, он немного растерянно оглядел старческое тело, в котором провёл столько веков, и странная жалость овладела им, и слёзы выступили на глазах впервые за тысячу лет...

Агасфер довольно быстро привык быть Чингисханом. Он привык, что, глядя в металлическое зеркало, видит новое лицо – раскосые глаза, редкие длинные усы, желтоватую кожу. Он привык пить кумыс, есть конину, спать с монгольскими женщинами. Он без труда передавил врагов Темучина, считавших себя такими сильными, а перед ним оказавшихся слабее котят. После этого его избрание великим монгольским ханом было делом несложным. Ещё несколько лет у него ушло на то, чтобы выковать непобедимую тучеподобную армию-орду, которой предстояло залить кровью полмира и в итоге покорить Русь.

При битве на Калке Агасфера смутило только одно: неправдоподобное мужество русских воинов. Он читал их мысли, он видел, как отлетали их души; ни в мыслях, ни в душах витязей страха не было. Была отчаянная, болезненно-весёлая уверенность, что этот бой для них последний, одна живём, а коли так, – раззудись, плечо, размахнись рука!..

Если бы русские военачальники не держались каждый за свой клочок поля брани, если бы они маневрировали, поддерживали друг друга, исход сечи мог стать другим. Но тут уже вмешался Агасфер. Он был не в состоянии обезвредить всё вражеское войско, но мысленно взял под прицел несколько русских князей-командиров и буквально парализовал их, послав приказ-директиву топтаться на занятом пятачке вместе с дружиной...

Вернувшись в забайкальские степи, Агасфер вместе со старшим сыном Чингисхана Угедеем занялся пополнением армии и сбором дани с завоёванных территорий. Год летел за годом; увлечшись подготовкой к нападению, Агасфер упустил из виду, что телесной оболочке великого хана уже перевалило за семьдесят, хотя обычный возраст, до которого доживал кочевник, редко

превышал сорок лет. Чтобы не вызывать подозрений, Агасфер переселился в тело Чингисханова внука Батыя – девятнадцатилетнего юноши, отличавшегося невероятной жестокостью и ярким полководческим даром.

Именно Батыю было суждено окончательно завоевать Русь. Почти все главные города, кроме Новгорода и Галича, легли в руинах и пепле. Пала и древняя русская столица Киев, бившаяся до последнего и разрушенная до основания. Победы орде давались большой кровью. Рязань, Владимир, Козельск – все города сражались отчаянно, люди воевали от мала до велика. И если Русь в итоге пала к ногам Батыя, то лишь потому, что каждый князь, храбро защищая свой удел, не получал помощи от соседних княжеств, да и сам не спешил оказать её. А если кто-нибудь и решался выступить со своей дружиной, чтобы поддержать изнемогающих соседей, то порыв этот Агасфер гасил в княжеской голове на корню. Мысли и настроения в осаждаемых городах и вокруг он контролировал постоянно, и в случае необходимости направлял их в нужное русло, для чего ежедневно по нескольку раз уединялся в своём походном, богато украшенном шатре. Он мог бы внушить князьям приказ открывать городские ворота и сдаваться на милость победителя. Но Агасферу нужна была иная победа – жестокая, кровавая, страшная. Да и ненависть к монголам была столь велика, что прикажи князь прекратить борьбу, его растерзало бы собственное окружение. А контролировать всех Агасфер не мог.

К середине тринадцатого века с Русью, как самостоятельной державой, было покончено. Поругание и разорение русской земли не поддавалось описанию. На месте городов и сёл дымились развалины, поля были усеяны трупами, исклёванными вороньём, а оставшиеся в живых уходили в леса. Агасфер не сдерживал своих воинов, напротив – он дал волю их зверству. Именно сейчас он вколачивал в русских ужас и покорность, которые передадутся младенцам с молоком матери на столетия вперёд.

Когда Русь окончательно склонила голову перед страшным хозяином, Батый обосновался на берегах реки Волги, в стойбище Сарай-Берке, сделав из него поволжскую столицу Золотой Орды. Здесь он принял великого князя Ярослава Всеволодовича и утвердил его титул, пожаловав во владение Киев и русскую землю. Следом за Ярославом в Золотую Орду потянулись удельные князья. Выбор у них был невелик – либо признать себя данниками Батыя, либо расстаться с владениями и жизнью...

Впереди было почти два века рабства и унижения. Руси предстояла горькая, тяжкая работа. Надо было хоронить мёртвых, собирать живых, и заново строить сёла с городами. Русская земля – смирившаяся, покорная, умытая кровью – ступила на крестный путь.

Но это был только первый ход Агасфера.

Ближний боярин Иван Товарков, степенный тучный человек, разменявший пятый десяток, ворвался в княжеские покои так скоро, что опередил окольного, открывшего рот крикнуть о его приходе.

– Государь великий Иван Васильевич! – завопил Товарков от порога, бухаясь на колени и быстро-быстро ползя вперёд. – Чудо свершилось, чудо небывалое! Услышал господь наши молитвы, явил русской земле своё знамение, не оставил милостью рабов своих!..

Иван резко встал и движением руки отстранил духовника Елевферия, с которым только что вполголоса беседовал.

– Ну, что ты там кудахчешь, ровно курица на яйцах? – грубо и нетерпеливо спросил он. – Ты дело, дело скажи: что случилось?

– Так я же и говорю, великий князь, случилось чудо! Ахмат со своими татарами развернулся и ушёл прочь от Угры!

Князь побледнел, прижал руку к сердцу, невольно сглотнул.

– Да не хитрость ли это Ахматова? – тихо спросил он. – Верные сведения-то?

– Уж куда вернее, государь! Наши лазутчики следом переправились через Угру и вёрст двадцать пять ехали по пятам. Улепётывают татары, только что не бегут, как пожар у них под ногами...

Князь медленно, с растерянным видом, обернулся к духовнику. Елевферий истово перекрестился на икону Божьей матери в окладе из драгоценных камней и плавным жестом простёр над ним руки.

– Возблагодарим господу нашего! Прочтём жаркую молитву во славу его, избавившего русскую землю без пролития крови от вражьей орды! И да не ступит больше татарская пята в наши пределы!

Князь опустился на колени, закрыл глаза и зашептал молитву.

Прилюдно молясь, Агасфер всегда испытывал чувство, будто показывает Богу язык и делает при этом непристойный жест...

После покорения Руси, Агасфер ещё около ста лет правил Золотой Ордой, переходя из одного ханского тела в другое. Он зорко следил, чтобы монгольский гнёт не ослабевал (впрочем, к тому времени русские переименовали монголов в татары – по названию одного из племён в составе Орды). Сборщики дани, баскаки, разъезжали по городам и сёлам, собирая непосильный ясак. Брали всё: деньги, утварь, продукты, угоняли скот, забирали в рабство детей и женщин. Любое сопротивление, даже попытка сопротивления, да что там, выражение недовольства было поводом для жестокого наказания. И вот в мирное вроде бы время, из года в год, по русским княжествам скакали с копьями наперевес татары, оставляя за собой трупы и пепелища.

Прежде чем сделать очередной ход в игре, Агасфер хотел посмотреть, чего он достиг, подвести некий промежуточный итог. Для этого он решил на некоторое время как бы отойти в сторону.

Он покинул Орду.

Переселяясь из тела в тело, Агасфер странствовал по необъятной Руси. Он побывал простым смердом, боярином, монахом, удельным князем, воином княжеской дружины, горожанином. Его нечеловечески мощный ум копил наблюдения, анализировал их и делал выводы.

Что ж... удалось добиться главного. От былого славянского свободолюбия и независимости не осталось и следа. Люди были сломлены; они жили, не поднимая глаз, впроголодь, покорно платили дань, работали от зари до зари. Казалось бы, всё идёт, как надо. Но Агасфер понимал: человек по-настоящему опасен, когда лишается последнего. Загнал его в угол – жди бунта. Ведь вот что произошло в Твери... Стоило только пронестись слуху, что татары, принявшие

ислам, будут загонять в мусульманство и русских, как вспыхнуло восстание во главе с князем Александром Тверским. Сборщиков дани, весь отряд, перебили, как мух. Конечно, вскоре город в наказание был разрушен и разграблен дочи́ста, вывезли даже церковный колокол, но ведь это уже всё потом... Нет, нельзя отнимать последнее. А у русского к тому времени всего и осталось, что сама жизнь (с которой, впрочем, расстаться было проще пареной репы) и православная вера. Поэтому, кстати, громя города, Агасфер всегда велел щадить монастыри и церкви. По возможности, конечно, война есть война...

Агасфер с интересом наблюдал, что творится в Орде после его ухода. Случилось ожидаемое: без его железной руки в стане монголов начались раздоры. Ханство быстро слабело. Дошло до того, что великий князь владимирский и московский Дмитрий открыто бросил вызов Орде и разгромил хана Мамаю на Куликовом поле. Агасфер не переоценивал значения созданной им Орды, она была только инструментом для достижения главной цели, но списывать этот инструмент пока что было рано. И Агасфер, временно вернувшись в ханство, энергично взялся за дело. Он вселился в тело военачальника Тохтамыша, убил побеждённого Мамаю, объявил правителем Орды себя, и во главе огромного войска осадил Москву. Взять её силой не удалось: по приказу князя Дмитрия она вот уже несколько лет как была обнесена белокаменными стенами-укрытиями. Пришлось пойти на хитрость. Агасфер внушил начальнику защитной дружины князю Остею, чтобы тот согласился на предложение татар: заплатите, мол, выкуп, и мы уйдём по-хорошему. Ну, а во время передачи выкупа ордынцы ворвались в Москву, перебили всю дружину во главе с Остеем, да заодно и почти всех москвичей. Город был разграблен и сожжён дотла...

Слабость Орды проявилась особенно сильно, когда вторгнувшийся в русские пределы знаменитый азиатский полководец Тамерлан наголову разбил её войско. Всё произошло так быстро, что Агасфер даже не успел вмешаться. Но когда Тамерлан двинулся на Москву, рассвирепевший Агасфер, подобравшись к лагерю завоевателя, мысленно приказал ему покинуть Русь. И тот выполнил приказ, к великому удивлению и облегчению москвичей во главе с князем Василием Первым. Впрочем, Тамерлан и сам склонялся к этому решению: разорение русской земли достигло таких размеров, что поживиться было почти нечем, завоевание Руси уже себя не оправдывало.

Агасфер понимал, что пришло время делать второй ход. Смирив русских, он должен был теперь заново создавать их общность – но не тот рыхлый конгломерат враждующих княжеств, существовавший прежде, а единое,

мощное государство, в котором власть всё, а человек ничто.

Добиться этого он хотел уже испытанным способом – захватить тело одного из русских правителей и его руками сколачивать державу.

Агасфер присматривался к удельным князьям.

Его внимание привлёк Иван Третий, ведший свой род от великих князей московских Калиты и Донского. Красивый, с гордой осанкой, Иван был осторожным, расчётливым и опытным правителем. В сущности, он уже приступил к работе, которую предстояло выполнить Агасферу. Иван правдами и неправдами, порой силой, а где и хитростью, подминал под себя всё новые и новые земли. Москва росла, возвеличивалась, хорошела. Вот только действовал Иван уж очень медленно; ему не хватало обыкновенной смелости, и к цели он продвигался мелкими шажками.

– Ну что ж, – сказал себе Агасфер, в ту пору служивший дьяком боярской думы (с веками у него появилась привычка разговаривать вслух), – дело можно ускорить...

Через некоторое время осторожный Иван, отбросив дипломатию, совершил вдруг на диво решительный поступок. Он двинул войска против главного соперника Москвы – вольного Новгорода. Неприятельское ополчение было разгромлено у реки Шелонь, и независимости новгородцев навсегда пришёл конец. Была завоёвана Пермь. Покорены Ростов, Ярославль, Вятка. Иван стал величаться государем всея Руси и принял новый герб. Теперь на нём красовался двуглавый орёл вместе с Георгием Победоносцем, поражающим змея копьём.

И вот наступил момент, когда ордынское рабство стало несовместимым с дальнейшим возвышением Руси. Агасфер, хладнокровно просчитывая ситуацию, пришёл к выводу, что с Ордой пора кончать. Добиться этого удалось недолгой, несложной и по-своему изящной комбинацией, которая доставила Агасферу немало удовольствия.

Для начала Иван Третий перестал, как того требовал обычай, выходить пешком из города навстречу ханским послам, становиться на колени перед портретом хана – басмой и, поцеловав её, угощать послов кумысом. Он перестал платить Орде. Когда же очередное посольство хана Ахмата явилось с требованием дани,

Иван растоптал басму, велел убить одного из послов, а другого отправил назад со словами:

– Скажи хану, что если не оставит меня в покое, с ним будет то, что с его басмой и послом!

После этого военное противостояние с Ахматом стало неизбежным. Оно и случилось на реке Угре через сто лет после Куликовской битвы. Только напрасно княжий духовник Елевферий возносил хвалу господу за чудо бескровной победы. Никакого чуда на самом деле не было. Ахмат бежал, узнав, что хитроумный Иван отправил вниз по Волге на судах немалую рать под началом звенигородского воеводы Ноздреватого и союзного крымского царевича Нордоулата – отправил громить Сарай-Бёрке, оставшийся без обороны.

И Орда пала. Что, кроме бегства, оставалось Ахмату, получившему смертельный удар в спину?..

Конечно, можно было поступить проще. Можно было обойтись без водного похода. Агасфер вполне мог послать Ахмату мысленный приказ убираться прочь, тем бы всё дело и кончилось. Но государь всея Руси должен был вернуться в свою столицу в ореоле победителя Орды, избавителя родной земли от татарского ига. И Агасфер своего добился. Звенели колокола, сияло нежаркое осеннее солнце 1480 года, и народ славил своего сильного, хитрого, дальновидного князя...

Когда пришло время покинуть земную оболочку Ивана (шестьдесят пять годков прожил, ну и довольно с него), Агасфер заколебался: кому оставить трон? У великого князя был законный наследник, внук по первой жене Дмитрий. Но был и сын от второй жены, византийской царевны Софьи Палеолог, Василий-Гавриил, прижитый уже самим Агасфером. Нормальные родственные узы для вечного странника перестали хоть что-то значить невообразимо давно, речь шла о том, кто из двоих юношей сможет наилучшим образом продолжить начатое. Сам Агасфер на этот раз хотел уйти в сторону, контролируя ситуацию из тела какого-нибудь княжеского приближённого. Оба чада были неглупы, энергичны, приятны собой... которому же сидеть на троне? Поначалу выбор пал на внука Дмитрия, затем Агасфер передумал, и в итоге по смерти Ивана Третьего шапку Мономаха надел сын, великий князь Василий.

Сам Агасфер, как и задумал, стал его фаворитом в образе княжьего дворецкого Ивана Шигона-Поджогина, получив тем самым свободу рук. Направлять деяния государя со стороны было спокойней и проще, чем быть привязанному к трону самому. Поначалу всё шло неплохо, и вмешательство Агасфера почти не требовалось. Василий уничтожил последние уделы, от века независимые Псков и Рязань вошли в состав Московского княжества. Отныне Русь уже становилась монолитной, и можно было думать о завоевании новых земель. Но выяснилось, что полководец из Василия никудышный. Войну с великим княжеством Литовским, он, в сущности, проиграл, хотя и застолбил Смоленск за Московией. Не хватало ему характера, жёсткости, воли. Ведь вот, казалось бы, правильно сделал, что посадил изменника Мишку Глинского в тюрьму, сумел устоять перед просьбами германского посла Герберштейна и московского митрополита Даниила освободить его. Пусть гниёт в кандалах... Но стоило племяннице Глинского Елене попросить за дядю, как растаял Василий перед красавицей, вышел-таки изменник на свободу. А сам Василий мигом развёлся со своей женой Соломонией (бездетна, дескать, посечённая смоковница), упёк её в монастырь, да и женился на Елене.

Но это бы ладно: сам большой любитель сладкой женской плоти, Агасфер снисходительно отнёсся к выходке стареющего Василия. Хуже было другое. Зорко следя за жизнью Московии, Агасфер видел, что после падения Орды людишки начали поднимать головы. Простые смерды позволяли себе нарядную одежду, в деревнях, как грибы, вырастали новые избы, а в городах и целые хоромы. Что говорить, богател народишко, а всё почему? Не было по-настоящему властной руки, стригущей этих овец в должной мере. Василий считал, что людям надо вздохнуть, поборами население не мордовал, воевод на местах за лихоимство и притеснения наказывал. Глупец... Не понимал, что чем лучше живётся людям, тем вольнее они, сильнее, и тем меньше зависят от правителя. А это в планы Агасфера ну никак не вписывалось. Надо было давать окорот – и народу, и государю.

Конечно, Агасфер воздействовал на Василия. По его внушению великий князь перевешал смоленских бояр, замысливших сдать город литовцам, а перед казнью велел нарядить несчастных в собольи шубы, им же ранее и подаренные. Он отстранил от управления боярскую думу, и все дела решал с Агасфером-дворецким да худородными дьяками-писцами. Среди глада и мора, случившихся на Руси в лето от рождества Христова тысяча пятьсот двадцать шестое, Василий рассылал по уделам отряды, которые рубили головы недовольным. Были и другие деяния, снискавшие Василию недобрую славу сурового государя.

Но вот с чем столкнулся Агасфер... Он, безусловно, контролировал Василия. Внушал ему свои мысли. Подталкивал совершать разные поступки. Однако, читая душу великого князя, точно открытую книгу, он отчётливо видел: Василий страдал. Когда он делал нечто навязанное извне, что противоречило его характеру, желаниям, наклонностям, он сам себя не мог понять. От этого он часто пребывал в расстройстве, ел себя поедом, и временами смутно ощущал, что в нём живут два ума, две души, две воли. Это пугало его до помутнения рассудка.

В общем-то, Агасферу это было безразлично. Однако постоянная внутренняя борьба, напряжение и неясный страх, подтачивали здоровье Василия. Даже рождение сына Ивана, долгожданного наследника, не принесло ему радости. Ночь, когда великая княгиня разрешалась от бремени, была страшной. В небе сверкали молнии, люди затыкали уши от раскатов грома, сотрясавших землю. В народе вспоминали письмо, которое иерусалимский патриарх Марк написал Василию, тщаь отговорить от незаконного по церковным канонам второго брака. Старец пророчествовал: «Женишься вторично, – будешь иметь злое чадо, царство твоё наполнится ужаса и печали, кровь польётся рекой, падут головы вельмож, города запылают...»

– Вот и родилось злое чадо, православные! – шептались люди на московских базарах, испуганно крестясь.

– Да уж, не к добру гроза такая!.. Божье наказание родилось, не иначе...

Людское суеверие подсказало Агасферу дальнейшие действия. К тому времени, когда Василий Третий скончался, оставив малолетнего сына попечению матери, Агасфер уже твёрдо решил, что в ближайшие десятилетия будет править сам. Пора двигаться дальше: зажать народишко и расширить державу.

Спустя много времени, уже в иную эпоху, Агасфер не без удовольствия перечитывал русские летописи царствования Ивана Четвёртого, сына Василия. Не то чтобы он любил оглядываться на ушедшие столетия... Однако если изложить всё, что Агасфер сделал с Россией, в виде книги, то правление Грозного, безусловно, было в ней одной из самых ярких, удавшихся вечному страннику, глав.

Агасфер впервые применил стратегию, которую потом использовал не раз. Он одновременно воевал против соседей, и – против собственного народа.

Внешние войны складывались не очень успешно. Борьба с поляками и литовцами за выход к Балтийскому морю окончилась ничем, и даже Агасфер тут был бессилен. Он мог, разумеется, воздействовать на полководцев Речи Посполитой, но отсутствие дисциплины и порядка в русском войске... устаревшее вооружение... преувеличенное упование замшелых русских воевод на Божью помощь... Нет, пока что тягаться с Европой не приходилось. Вывод был один: предстояло строить настоящую армию, и денег, времени, сил, на это не жалеть. Впрочем, даже с таким войском Агасфер ухитрился покорить Астрахань, взять Казань, присоединить к Московии Сибирь, так что территория державы утроилась. Оно и неплохо.

Зато воевать внутри собственной страны было не в пример веселее. Против русских провинций Иван устраивал целые походы, и лютовал так, что люди в страхе вспоминали худшие времена ордынского рабства. Царь (а к тому времени Иван первым из русских правителей венчался на царство) собственноручно убивал и пытал; он воевал с Русью, как с чужой страной, и вёл себя, словно завоеватель. Так это выглядело со стороны, и разве это не было чистой правдой?

Не в силах дотянуться до Христа, Агасфер с наслаждением отыгрывался на русских людях. Холоп, купец, боярин, слуга, монах-чернец – никто не был застрахован от царского гнева. То же самое относилось и к ближайшему окружению Ивана. Он бессчётно менял жён и любовниц, убил собственного сына, казнил тьму ближайших соратников... Он выжигал целые города и деревни вместе с населением, разрушал монастыри и храмы, что не мешало ему следом строить новые и молиться днями напролёт. Однако по вечерам он устраивал оргии со свальным грехом и содомией, после чего уходил в пытошную – сам вёл допросы и мучил подозреваемых.

Стон и крик стоял на Руси, вился по ветру пепел сожжённых сёл, пламя пожарищ рвалось в небо, и никаких слёз не хватило бы затушить его.

– Безумен царь-то!..

Об этом говорили уже открыто, рискуя головой. Но никто – никто! – не решался выступить против Ивана. Агасфер, внутренне готовый к возмущению и бунтам,

разводил руками: русский народ, похоже, хоть с кашей ешь – и ничего, перетерпит, весь пар в частушки да пословицы спустит...

Впрочем, нет: в разное время несколько человек всё же пытались протестовать. Один из них, митрополит московский Филарет, осмелился крикнуть царю:

– Твоё дело не богоугодное и не будет тебе нашего благословения!

Да не просто крикнул – прилюдно отказался благословить Ивана прямо в Успенском соборе.

Царский любимчик Басманов схватил Филарета там же, в церкви. Митрополит был брошен в темницу. По приказу царя ему забили ноги в деревянные колодки, а руки в железные кандалы, и морили голодом. Отрубленную голову Колычева, единственного родственника митрополита, бросили в яму, где томился Филарет. Агасфер окончательно решил показать, кто в державе хозяин, и что даже глава церкви для царя тот же холоп, только с тиарой на голове.

И вдруг...

Агасфер навсегда запомнил этот день. Точнее, вечер.

Он сидел за столом в своих покоях, лениво перебирал бумаги и размышлял, какой казни предать Филарета. Можно посадить на кол. Можно бросить в кипящее масло. А можно поджарить на раскалённой сковороде. Хотя, из уважения к сану, можно и что-нибудь проще, без затей. Отрубить голову, к примеру...

Неожиданно за спиной раздался тяжёлый, точно сдавленный, вздох.

Агасфер, бывший в покоях один, удивлённо оглянулся. Никого. И не должно быть никого...

Вздох повторился. Он стал ещё громче.

Ничего не понимая, но внутренне сжавшись, Агасфер вскочил на ноги.

И тут он увидел...

В углу комнаты, где висели иконы и теплилась лампада, из воздуха возник размытый, бесплотный контур человеческого тела. От него исходило бледно-золотистое, тёплое – Агасфер чувствовал это – сияние.

Из вечернего полумрака проступили неясные черты лица: впалые щёки, остроконечная бородка, спутанные, слипшиеся пряди волос, и лоб, высокий израненный лоб, с которого медленно катились капли крови.

В первый и последний раз Агасфер видел это лицо пятнадцать веков назад, и однако узнал его в ту же секунду.

С губ сорвался полукрик-полустон. Агасфер невольно схватился за грудь, пытаясь унять сумасшедшие удары сердца.

– Ну, здравствуй... Если это ты... – выдавил он еле слышно.

Никакого ответа. Большие чёрные глаза гневно и горестно смотрели на Агасфера, мерили взглядом, судили и приговаривали его...

К чему?

Душу Агасфера на миг опалила безумная надежда. Неужели пришёл момент, которого он ждал полторы тысячи лет? Пал Рим, кануло в Лету величие Греции и Египта, в мир пришли книги, порох и часы, а он всё ждал... Неужели чаша вышнего терпения переполнилась, и сейчас бессмертный наконец-то обретёт смерть?

Не помня себя, Агасфер упал на колени и простёр к бесплотной тени дрожащие руки.

Призрак покачал головой и отступил к стене. Его очертания медленно таяли в жаркой полутьме царских покоев.

Тогда Агасфер вскочил на ноги. Надежда умерла так же стремительно, как родилась, и Агасфер, хмелея от ярости, мысленно заключил тень в

энергетическую ловушку чудовищной мощи. Когда-то этому приёму его научил наставник – почтенный лама из высокогорного тибетского монастыря. С помощью такого невидимого капкана Агасфер не раз ловил и уничтожал души людей, не угодивших или пытавшихся с ним бороться.

Но на этот раз испытанный приём не сработал. Призрак бесследно исчез, растворился в воздухе, несмотря на отчаянные попытки Агасфера удержать его.

Ставя ловушку, Агасфер мгновенно истратил слишком много энергии, и теперь сил хватило только чтобы дотронуться до угла, содрать со стены икону, бросить об пол и наступить на скорбный лик Христа каблуком.

И завывать. Отчаянно, по-звериному...

В покои ворвались насмерть перепуганные слуги. Никогда им не доводилось видеть Ивана таким – еле стоит на ногах, волосы дыбом, глаза дико горят, а сам что-то бормочет на непонятном языке...

Потрясение, пережитое Агасфером, было настолько велико, что несколько дней он провёл в постели, восстанавливая силы и жадно высасывая энергию из всего окружающего – людей, животных, просто из воздуха. Приближённые выходили от него бледные, вялые, со слабостью в членах. Когда к нему вернулась способность логически думать и рассуждать, он сделал два вывода.

Во-первых, появление призрака свидетельствовало: Распятый наконец-то заметил Агасфера, и снизошёл до него в виде астральной тени, с целью то ли остановить, то ли напугать, – не суть важно. Это могло означать лишь одно: Агасфер на верном пути. Его опыты над Русью и русскими достигли масштаба, которым уже нельзя пренебречь. А ведь он даже ещё не воевал по-настоящему с внешним миром.

Во-вторых, если Распятый здесь же, на месте, не наказал Агасфера лишением жизни, то, очевидно, лишь потому, что считает это не наказанием, а наградой (правильно считает, между прочим). Но Агасферово зло терпеть больше не может, иначе как трактовать явление? Стало быть, что? Верно: попытается лишить Агасфера силы или как-то ограничить её. Ну, вот как однажды, развлекаясь, Агасфер в облике Грозного велел стрельцам поймать волка, вырвать клыки, да и отпустить на волю. Волчок-то с голоду подох...

Дойдя до этого пункта в своих размышлениях, Агасфер покачал головой. Если бы Христос мог усмирить Агасфера, не уничтожая, он сделал бы это ради спасения людей ещё два века назад. Очевидно, сила вечного странника была столь велика, что бороться с ней оказалось трудно даже Богу. Но представить, что Распятый смирится с поражением, Агасфер не мог. Скорее он поверил бы в существование Сатаны. Он был убеждён, он чувствовал, что рано или поздно Христос предпримет попытку обуздать его. Каким образом? Агасфер терялся в догадках и ждал удара с любой стороны.

Между тем существование Ивана близилось к концу. Агасфер совершенно не щадил его земной оболочки; царь сжигал себя постоянным напряжением и оргиями. Агасфер мог бы обновить его тело и продлить жизнь, но зачем? Всё, что предназначалось выполнить Грозному, он выполнил, и Агасфер готовился к новому этапу, который про себя назвал так – «время безвластия».

Он решил раскачать лодку до предела.

Как ни лютовал Иван, при нём всё же была власть, и власть единая. Сменивший его на престоле старший сын Фёдор – добрый, хилый, набожный – в сущности, отдал бразды правления своему шурину, любимцу Грозного, боярину Борису Годунову. Бездетному Фёдору должен был наследовать сводный брат его, малолетний Дмитрий. Годунова, который сам тянул руки к трону, такой расклад никак не устраивал. Не устраивал он и Агасфера, в ту пору исполнявшего незначительные обязанности помощника царского оруженосца.

Сказавшись больным, он три дня безвылазно провёл в своей камере. Всё это время он лежал с закрытыми глазами и по методу друидов мысленно бродил в параллельных пространствах. Он знал, чего хочет, и он искал наилучший путь к задуманному. Были рассмотрены и проанализированы десятки вариантов, разброс вероятий впечатлял. В одном из них, к примеру, неожиданно выздоровевший Фёдор обзаводился-таки наследником и сажал интригана Годунова на кол. В другом восставший народ громил Кремль, сметал династию Рюриковичей, а его вожди, мелкопоместные дворяне Ляпуновы и Кикины, устанавливали на Руси новую форму правления – что-то вроде аристократической республики с подобием английского парламента...

Изучив множество вариантов, Агасфер сформулировал собственный и приступил к его реализации – как всегда, энергично и тщательно.

... Фёдор ещё сидел на престоле, когда по стране с быстротой лесного пожара разнеслась ужасная весть: в Угличе убили царевича Дмитрия. Молва тут же связала это злодейство с именем Годунова, и была права: убийца действительно подослал боярин Борис. Подталкивать его Агасферу почти не пришлось, настолько Годунов жаждал крови отрока. Но Агасфер, конечно, смотрел дальше и рассчитывал ситуацию глубже.

После смерти Фёдора свершилось ожидаемое: его вдова Ирина, сестра Годунова, отказалась царствовать, и тогда по призыву московского митрополита Иова и Земского собора трон согласился занять Борис. О, как он ломался! Какую комедию затеял, несколько раз притворно отказываясь от престола и лишь затем позволив себя уговорить! Этот человек с великолепным умом, энергией, опытом, был прирождённым правителем. Но тлели под ним две мины замедленного действия. Прежде всего, род Годуновых был далеко не самым знатным. Коль скоро законных престолонаследников не существовало, Шуйские, Бельские, Нагие, Татищевы могли претендовать на шапку Мономаха с большим основанием. Боярская смута разгорелась с первых же дней правления свежееиспечённого царя.

Но это бы ещё полбеды. Годунов прошёл слишком хорошую школу у Грозного, чтобы всерьёз опасаться чьих-то интриг. Гораздо страшнее была народная память о загубленном Дмитрие, которому по праву Рюриковича принадлежал трон. Из уст в уста гулял на Руси слух, что не погиб, мол, царственный отрок, подменили его в последний миг – спрятали, а потом переправили за границу. Там он вырос, вошёл в ум и силу, так что вскорости во главе несметного войска двинется на Москву, отбивать отцовский престол у Годунова...

Эти слухи распространял и подогревал Агасфер, мгновенно переносясь из одного конца Русского царства в другой. Он уже присмотрел претендента на роль Лжедмитрия. Это был инок московского Чудова монастыря, по имени Гришка Отрепьев. Причина, по которой выбор пал на него, была проста: кто-то ляпнул парню, что годами и внешностью он смахивает на убиенного царевича. Монах, человек тщеславный и неумный, распустил о себе молву, что он-де и есть чудом спасшийся Дмитрий. Фигура была подходящая. Агасфер некоторое время следил за ним со стороны. На что Отрепьев рассчитывал, затеяв смертельно опасную игру, он так и не понял: в голове инока был полный хаос, обычный для душевнобольных людей...

Убедившись, что многие Гришке верят, а пуще других верит сам Годунов, срочно велевший схватить Отрепьева, Агасфер не стал медлить. Он вышиб из монаха душу, вселился в его тело и бежал в Речь Посполитую. Здесь он без труда убедил польских магнатов, что он-то и есть законный Рюрикович. Поляки, искавшие предлог для вторжения в Московию, вцепились в Лжедмитрия мёртвой хваткой. Они снабдили его деньгами, войском, пообещали руку дочери воеводы Мнишека, красавицы Марины, и отправили воевать Русь.

Престол достался Агасферу легче, нежели он рассчитывал. Годунов отчаянно сопротивлялся, но Агасфер довёл его до безумия, каждую ночь присылая царю фантомное изображение отрока с перерезанным горлом. Сочинитель Пушкин, спустя два с половиной века написавший драму «Борис Годунов», ничего не придумал: прежде чем окончательно впасть в беспамятство и умереть, царь твердил приближённым о призраке окровавленного мальчика...

Сын Годунова Фёдор не царствовал и недели. Московская чернь, с именем Дмитрия на устах ворвавшись в Кремль, низложила его. Спустя день Фёдора удавили, и это был конец несостоявшейся династии Годуновых.

Надолго занимать трон Агасфер не собирался. Напротив, он делал всё, чтобы сократить своё сидение в царских палатах. Дмитрий вёл себя так вызывающе неразумно, что верный и ближний слуга Никита Маленин только хватался за голову. Молодой царь без счёта транжирил казну, обижал духовенство, открыто распутничал (дочь Годунова Ксению он сделал своею наложницей). При нём поляки чувствовали себя в Москве, как дома. Не проходило и дня, чтобы русские не жаловались на разбой иноземцев. А пуще всего люди боялись, что беспечный в вопросах веры Дмитрий начнёт загонять их в католичество в угоду посадившим его на престол полякам.

Агасфер веселился, наблюдая, как народная любовь буквально на глазах сменяется ропотом, недовольством, а потом ненавистью. Ещё забавнее было отслеживать потуги боярина Васьки Шуйского учинить заговор против Дмитрия. А ведь молодой царь меньше года назад спас его от плахи, отменив своей волей и правом приговор Земского собора. Эх, людишки! Смешные вы... и подлые... Нет, понять Христа было решительно невозможно... Однако заговор Шуйского оказался как нельзя кстати. Он прекрасно ложился в общий замысел Агасфера; не случись его, пришлось бы плести заговор самому против себя.

Накануне выступления Шуйского, Дмитрий, как ни в чём не бывало, пышно сыграл свадьбу с Мариной Мнишек. Ночью, отлюбив молодую жену до изнеможения, Агасфер покинул её, сладко спящую, и совершил рокировку – захватил тело московского купца Дормидонта Конева, а его душу вселил в царскую оболочку. Рано поутру он стоял в толпе у Кремля. Полузакрыв глаза, он смотрел сквозь каменные стены, как мечется по комнатам ошалевший, сходящий с ума Конев, обнаруживший себя в царском теле: кричит невнятное, машет руками, ощупывает незнакомое лицо, грудь, плечи, а рядом бьётся в истерике Марина. Так и погиб купец от выстрела в упор, ничего не поняв...

В тот же день Агасфер покинул Москву, захватив с собой Никиту. Перед этим он частично открылся ему. Зачем? Агасфер говорил себе, что верный человек всегда пригодится; его надо кое-чему обучить и отдать ему мелкие дела, на которые вечно не хватает времени. Но, может, в другом была суть решения? Прожил ведь Агасфер полторы тысячи лет без подручного, жил бы и дальше... В другом, в другом была суть, к чему лукавить? За пятнадцать веков Агасфер впервые встретил такую преданность. Само собой, был у Никиты расчёт на царские милости, но – Агасфер это знал точно – сначала Никита его любил, а уж потом всё остальное. И если у Агасфера было сердце, то оно дрогнуло, ужаснулось вдруг вечному одиночеству...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/domovec_aleksandr/ubit-kuklovoda

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)